

ПИСЬМА ПИСАТЕЛЕЙ К САЛТЫКОВУ

ПИСЬМА: П. АННЕНКОВА, Н. АРНОЛЬДИ, Н. БОБЫЛЕВА, И. БУХАЛОВА, И. ГОНЧАРОВА, А. ЖЕМЧУЖНИКОВА, Н. ЗЛАТОВРАТСКОГО, И. КРАМСКОГО, В. КРОТКОВА, Л. МЕЧНИКОВА, Л. МУРАХИНОЙ, А. НОВОДВОРСКОГО, В. ОБРУЧЕВА, Ф. ПАВЛЕНКОВА, А. ПЫПИНА, А. РЕЙНГОЛЬДА, Л. ТОЛСТОГО, П. ФИРСОВА, И. ЯСИНСКОГО

Предисловие, публикация и примечания Н. Яковлева

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЩЕДРИНА

Литературные корреспонденты Щедрина, чьи письма мы ниже печатаем, естественно распадаются на ряд групп. Первую группу образуют крупные деятели литературы, ставящие и обсуждающие в своих письмах к Щедрину различные важные общественно-политические и литературно-творческие вопросы. Таков прежде всего И. С. Тургенев, письма которого к Салтыкову напечатаны в «Первом собрании» его писем, вышедшем в издании Литературного фонда в 1884 г., т. е. вскоре после смерти первого и еще при жизни второго. Подобных Тургеневу корреспондентов было несомненно довольно много. Но к сожалению их письма в большинстве своем не дошли до нас. Ниже мы печатаем только по одному письму П. В. Анненкова, И. А. Гончарова, А. М. Жемчужникова, А. Н. Пыпина и Л. Н. Толстого.

Письма Анненкова и Пыпина (одно) касаются цикла Щедрина «За рубежом». Это — одно из важнейших произведений для понимания идеологии писателя. Письмо Анненкова характерно содержащейся в нем высокой оценкой этого произведения (собственно первой главы только) и дружеским упреком в излишней «художественной расточительности», проявленной Щедриным (ответ его Анненкову см. «Письма», № 161). Пыпин в своем кратком благодарственном отзыве, в ответ на присылку ему «За рубежом», лишний раз подтверждает свою высокую оценку творчества Щедрина.

Письма Гончарова и Жемчужникова в основном связаны с другим произведением Щедрина — «Господа Головлевы». Для истории создания этой вещи необходимо учитывать отношение к ней других художников и критиков, виднейших представителей тогдашней русской литературы. Это отношение выражалось и лично, и в письмах. Особенно близко стояли в тот момент к Щедрину Некрасов, Анненков, Тургенев, а также из не-литераторов, но чутких ценителей литературы А. Н. Ераков и А. М. Унковский. Несколько позднее к ним присоединяется и Михайловский. Но к сожалению письма сохранились, кроме тургеневских, только от Гончарова и Жемчужникова. Между тем известно, что «Господа Головлевы» вырастали полустихийно из предшествующего цикла «Благонамеренных речей»; первоначально, и даже в большей своей части, они шли в этой серии. Но созданные в основном в 1875—1876 гг. «Господа Головлевы» были закончены только к началу 80-х годов. На протяжении этого времени заинтересованные собратья Щедрина по перу, а также критики, а может быть даже простые читатели несомненно обращались к нему с запросами о судьбе произведения, с настояниями продолжать и развивать эту тему, наконец с собственными своими планами, проектами завершения замысла. Все это несомненно оказывало на Щедрина воздействие в основном поощрительное, но отчасти может быть и задерживающее.

Из указанных выше писателей особенно глубокое впечатление произвел образ Иудушки на Гончарова. Преодолевая свою замкнутость, он решил зайти к Салтыкову для личной беседы, но на всякий случай подготовил и письмо. Салтыков оказался больным, и Гончаров «не решился» войти к нему (но переданное письмо к сожалению не сохранилось). Тогда Гончаров написал другое письмо, повидимому более развернутое, в котором изложил свое понимание образа Иудушки, намечал пути его дальнейшего развития и завершения; приводил сходные примеры из действительной жизни. Эти высказывания Гончарова чрезвычайно интересны. Замечательно, что он смотрит на Иудушку более пессимистически, чем сам Щедрин. Он не видит в нем возможностей к возрождению, что как будто намечается самим Щедриным. Замечательно, что Гончаров сравнивает Иудушку не только с помещиком-крепостником, но и с Наполеоном III. «Пустоутробие» третьего Бонапарта вполне буржуазного свойства. Гончаров был меньшим социологом и политиком, чем Щедрин, но здесь он как будто лучше понимает безнадежное «пустоутробие» не только Иудушки, но и всего стоящего за ним старого феодально-крепостнического мира.

Подход к Иудушке Жемчужникова менее глубок и лишен социологического характера. Но психологически тонко Жемчужников замечает, что «Иудушка буждает с одинаковой покорностью... и благополучного и несчастного исхода родов» Евпраксеюшки. В противовес Гончарову и ближе к Щедрину Жемчужников видит в Иудушке более трагизма. Внимательно подмечает Жемчужников одну из художественных черт (воздевание рук при молитве), с помощью которых Щедрин обрисовывает образ Иудушки. Отметим, что такие характерные черточки можно указать и для других героев Щедрина, например в родственной по теме «Пошехонской старине» (хлопанье себя по ляжкам у Василия Порфирыча; непричесанная голова во весь день у Анны Павловны).

Письмо Жемчужникова затрагивает также очень важный в то время общественно-политический «славянский» вопрос. Жемчужников проявляет достаточно сдержанное отношение к тому «хвастливому настроению», которое овладело в то время известной частью русского «общества», стремившегося использовать борьбу за свободу «братьев-славян» в целях отвлечь внимание от собственных русских внутренних затруднений. Это конечно целиком совпадало со взглядами Щедрина, умевшего хорошо различать и клеймить эти попытки замять больные внутренние вопросы путем внешних авантур, равно как и царьградско-дарданелльские устремления раннего русского империализма.

По понятным причинам мы не можем здесь входить в подробное рассмотрение этого вопроса. Отметим лишь, что статья «Вестника Европы» (1876 г., кн. 8), на которую ссылается Жемчужников, носит не столько «сдерживающий» и «мужественный», сколько «размазистый» характер, обычный для этого органа русского умеренного либерализма. Правда, она переносит центр внимания от славянского к внутренним вопросам; касается в дальнейшем очень важных тем — о назначении человека и цели общественной деятельности; о западничестве и славянофильстве; о характере реформ 60-х годов; о крестьянской общине и т. д. и т. п., но разрешает все это самым скромным и скудным образом, глубоко буржуазным индивидуалистическим выводом — «идея личной заслуги» перед государством, обществом и народом, под чем всякий волен разуметь в конце концов то, что ему заблагорассудится.

Наконец значительный интерес представляет письмо А. Толстого — последнее в этой группе, детально прокомментированное в печатаемом ниже сообщении М. Чистяковой «Толстой и Салтыков-Щедрин».

Вторую группу составляют писатели — сотрудники «Отечественных Записок». И они конечно затрагивают много интересных общих и литературных вопросов, но в плане своих произведений, помещаемых в журнале. Их письма дают много ценного материала для биографии и истории творчества этих писателей. Таковы в настоящей публикации: Н. А. Арнольди, Н. К. Бобылев, И. А. Бухалов, А. М. Жемчужников, Н. Н. Златовратский, В. С. Кротков, Л. И. Мечников, Л. А. Мурахина (ур. Цепелин), А. О. Новодворский (Осипович), В. А. Обручев, П. А. Ровинский (через Пыпина), Н. Н. Фирсов (Рускин), И. И. Ясинский.

Как видит читатель, перед нами только самая малая часть тех писателей — поэтов, беллетристов, критиков, публицистов, — которые были связаны перепиской с Щедриным хотя бы по одному только журналу «Отечественные Записки». Трудно назвать того из мало-мальски прогрессивных в то время русских писателей, который не вовлекался бы так или иначе в орбиту этого журнала, первенствовавшего на протяжении почти двух десятилетий. Легче указать тех, кто не сотрудничал, чем перечислить всех работавших и следовательно находившихся не только в личных, но и в письменных сношениях с Щедриным, потому что Щедрин сам вел переписку и по идейно-политическим вопросам (правда, поскольку это не касалось других редакторов — Елисеева, Михайловского), особенно по вопросам литературно-творческим и материально-организационным.

Из указанных выше сотрудников наиболее интересные высказывания о своей литературно-творческой работе дают Златовратский и Ясинский, а также Жемчужников (в примечаниях к его письму мы прослеживаем литературно-политическую судьбу одного из небольших стихотворных циклов этого поэта).

Письма Златовратского сохранились в большем количестве, чем от других корреспондентов. К ним надо еще присоединить письмо самого Щедрина к Златовратскому, также публикуемое в настоящей книге. Все они в совокупности хорошо характеризуют писательскую манеру Златовратского и, в частности, обрисовывают условия, при которых писалось наиболее крупное и значительное из его произведений — «Устои».

«Вообще я плохой хозяин и мастер своего дела, — пишет Златовратский. — Немногие счастливые минуты «просияния» покупаются мною слишком дорогой ценой: предварительная работа утомляет, чередуется с тяжелыми болезненными припадками, — а исполнение всегда лихорадочно, спешно и недоношено...»

Единственное письмо Ясинского очень интересно не только для истории создания его рассказа «Старый сад», но и в более общем порядке — для характеристики его литературных взглядов в ту эпоху, эпоху 70—80-х годов.

Он боится, что газетчики обвинят его «в нелюбви к народу», потому что «теперь на словах страстно любят народ и Гайдебуров, и Суворин, и даже Краевский...» Между тем он «старался изобразить, что видел».

Письма Обручева, Фирсова (Рускина), Кроткова, дают ряд ценных сведений о жизни и произведениях этих малозвестных полу-беллетристов, полу-очеркистов.

И Обручев, подобно Ясинскому, пишет, что в его рассказе «вымышленного ничего... внешние обстоятельства списаны с товарища». В других его произведениях основа или русская действительность, известная самому Салтыкову, или наблюдения над французской жизнью, почерпнутые в специально предпринятой для этого экскурсии. Фирсов также пишет свой монастырский очерк с натуры, потому что больше полжизни провел в местах, изобилующих монастырями и монахами, да и в момент создания вещи описываемые в ней события «вполне современные». При большой дозе фотографичности все такого рода произведения, умело обработанные редакторской рукой Щедрина, создавали одну общую картину, вели все к одной и той же цели художественного изображения и в то же время обличения «проклятой расейской действительности» эпохи мучительно затяжного перехода от феодально-крепостнического к буржуазно-капиталистическому порядку. Из сотрудников-публицистов мы встречаемся здесь с двумя этнографами: умеренно-либеральным, академическим П. Ровинским (протее Пыпина) и радикальным, гарибальдийцем и анархистом, более географом, чем этнографом Л. Мечниковым, он же Леон Бранди и Эмиль Венегри (эта характерная фигура той эпохи не только для русской, но и для западной передовой интеллигенции еще ждет своего биографа).

Как мы уже знаем из ответных писем Щедрина к Пыпину, гелертерские разыскания Ровинского о том, что город Дульдино называется «Ульцин», способны были, по мнению Щедрина, вызвать в широком читателе только «полное равнодушие к Черногории». Щедрин противопоставляет Ровинскому такого великого мастера художественного очерка, как Глеб Успенский, который сумел бы описать «действительную жизнь Черногории». В письме Мечникова интересен замысел художественного изложения од-

ного из эпизодов времен польского восстания: «организации польской вооруженной экспедиции на Черном море, составляющей интересный pendant к известной экспедиции Лапинского на Балтийском море». Мечников намеревается «придать этим главам своих воспоминаний вид повести».

В несколько особом, психологически-бытовом, отношении очень важно обращение к Щедрину переводчицы Л. Мурахиной-Цепелин. Внешняя суровость сатирика, ярко-общественный характер его литературной работы как будто не могли располагать к тому, чтобы совершенно чужие, никогда не выдавшие его люди обращались к нему со своими чисто личными, интимными переживаниями. И тем не менее замученная жизнью женщина с большим доверием и чувством рассказала Щедрину свою семейную драму.

Само собой разумеется, что все эти письма прямым или косвенным образом характеризуют и самого Щедрина как редактора. Видно большое уважение и доверие к нему сотрудников, при чем здесь неразъединимо сплетаются и общественно-политическая и литературно-творческая линии. Уважают, чтут идейного и художественного судью. Доверчиво говорят о трудностях, муках творчества, о причинах этих трудностей, и внешних и внутренних, не щадя своего самолюбия. И повидимому не обижаются на подчас суровые «высказы» (собственное выражение Щедрина в письме к Златовратскому). Нечего и говорить здесь уже о материальной нужде писателей, особенно эмигрантов и ссыльных (Обручев, Фирсов), или впавших в трудное положение в силу ряда семейных несчастий (Златовратский), перемены местожительства (Кротков) и т. д. (Из других эмигрантов Арнольди имела средства, а Мечников материальных вопросов не касается.) Все эти нуждающиеся смотрят с надеждой на Щедрина как хорошего хозяина журнала, твердо продолжавшего установленную еще до него Некрасовым линию поддержки пролетарских элементов (конечно по материальному положению!) среди сотрудников журнала.

Наконец к четвертой и последней группе литературных корреспондентов Щедрина относятся письма переводчиков, издателей и распространителей его произведений, из которых мы публикуем здесь лишь два: письмо переводчика А. А. Рейнгольда и издателя Ф. Ф. Павленкова.

Нам остается указать в заключение, что большинство публикуемых ниже писем к Салтыкову принадлежит к его архиву, находившемуся у его дочери, а ныне хранящемуся в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР.

Исключения составляют письма: 1) П. В. Анненкова из архива Ф. М. Достоевского, хранящегося в Публичной Библиотеке СССР им. Ленина в Москве, 2) А. Н. Пытина из его архива в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, 3) И. Н. Крамского, воспроизводящееся из сборника «И. Н. Крамской, его жизнь и художественно-критические статьи», СПб., 1888 г., 4) Л. Н. Толстого, воспроизводящееся по копии из архива Черткова в Государственном Толстовском музее, 5) Н. Н. Златовратского (одно черновое), хранящееся в архиве писателя в ИРЛИ, и 6) Ф. Ф. Павленкова, хранящееся в бумагах И. А. Шляпкина в ИРЛИ.

Укажем еще, что ранее нами были опубликованы, в приложениях и примечаниях к книгам писем Салтыкова-Щедрина, письма к нему следующих лиц:

а) в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. ГИЗ. 1925»: 1) П. Д. Боборыкина (1); 2) М. А. Боталова (2); 3) А. А. Буткевич-Некрасовой (1); 4) Е. С. Гаршиной (1); 5) Н. П. Карбасникова (1); 6) В. М. Соболевского (1); 7) Б. И. Утина (1);

б) в книге: «М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизданные письма», изд. «Academia», 1932 г.: 1) Элизы Ожешко (1); С. С. Юрьева (1).

Отметим еще публикацию (В. Е. Евгеньевым-Максимовым) писем следующих лиц к Салтыкову (кроме указанных выше, тургеневских): 1) Н. А. Некрасова (1) — в собрании сочинений его, т. V, «Письма», ГИЗ, 1930; 2) А. Н. Островского (1) — в журнале «Бирюч» 1919 г., № 13—14.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ¹

28 сентября 1876 г.

Hôtel Bellevue. Neuchâtel. Suisse

Много благодарю Вас, душевно-уважаемый и любезный Михаил Евграфович, за Ваше письмо. Сожалею, что стихотворение мое не может быть напечатано в От. Записках, что мне не удастся высказать публично о славянском вопросе мнение, несогласное с общественным настроением². В этом несогласии, с моей точки зрения, и заключается заслуга стихотворения. Но я понимаю очень хорошо, прочитав Ваше письмо, что журнал без риска напечатать его не может. А так как судьба От. Записок, конечно, интересует меня гораздо более, чем судьба моего стихотворения, — в чем, надеюсь, Вы нисколько не сомневаетесь, — то я подчиняюсь Вашему решению без малейшего ропота или неудовольствия. Вы пишете, что по Вашему мнению мой взгляд на дело совершенно правилен. Я вполне был уверен, что мое стихотворение, по своему направлению, не будет антипатично ни лично Вам, ни вообще От. Запискам. Итак, покоряюсь безропотно необходимости, но не могу не сожалеть, что, благодаря духу времени и цензурным отношениям, мысль правильная и небесполезная не может быть высказана печатно.

Мне грустно было узнать из Вашего письма, что Вы все еще больны. Следовало бы отделаться непременно от одышки и от сердцебиения. Не знаю: чем Вы лечитесь? Во всяком случае необходимо строго соблюдать так называемый режим. Мне кажется, что Вам необходимо отказаться, по крайней мере на время, от крепкого чая, кофе и водки. Нужно было бы также душевное спокойствие, но это такая вещь, которая, к сожалению, невозможна, невысказима для человека, занимающегося в наше время журнальным делом, и, как мне кажется, несовместна с Вашей натурой и с характером Вашей литературной деятельности. Очень сожалею о том, что Вы чувствуете ненависть к деятельности (чего, впрочем, из последних Ваших произведений не замечаю), но посоветовал бы Вам не напрягать слишком Ваших сил, пока будете себя чувствовать «не по себе». — Очень я доволен Вашим «Выморочным». Скажу Вам, что я в восторге от Вашего Иудушки. Он, по моему мнению, одно из самых лучших Ваших созданий. Это лицо — совершенно живое. Оно задумано очень тонко, а выражено крупно и рельефно. Вышла личность необыкновенно типичная. Она очень меня интересует. В ней есть замечательно художественное соединение почти смехотворного комизма с глубоким трагизмом. И эти два, повидимому противоположные, элементы в нем нераздельны. Хотелось бы продолжать смеяться, да нет, нельзя; даже смеяться жутко; он — страшен. Относиться к нему с нравственным негодованием и злобою также нельзя, потому что он бесспорно комичен, особенно, когда творит самое, по его мнению, важное в нравственном отношении дело: когда рассуждает о боге или молится ему с воздеванием рук. Я пожалел, что Вы в своем месте не описали подробнее сцены родов Евпраксеюшки. Мне в это время представляется Иудушка, ожидающим с одинаковой покорностью волю провидения — и благополучного и несчастного исхода родов. Он только тревожится тем обстоятельством, что результат остается долго неизвестным и принимается несколько раз за воздевание рук. Я говорю это не в виде «критики», а потому, что мне Иудушка очень интересен, и я хотел бы его видеть побольше живым. Ведь теперь уже подходит к нему смерть. Его конец меня также очень интересует. Не знаю, как Вы сами смотрите на Иудушку и какие Вы слышали отзывы по поводу этого сделанного Вами типа. По мне: это одно из самых лучших Ваших созданий.

Очень жаль мне было узнать из Вашего письма о серьезном недуге Некрасова. Я прежде ничего об этом не слыхал. Сердечно желаю, чтобы Боткин ему помог. — Не имеете ли сведений о Плещееве? От него лично нет никаких известий. — «Биограф-ориенталиста»³ помню и был прежде с ним знаком. Симпатии к нему никогда не чувствовал и давно потерял из виду. Да, трудно сохранить душевное спокойствие при возможности случаев, который Вы описали. Будьте здоровы, Михаил Евграфович, еще раз благодарю за письмо. Может быть когда-нибудь еще напишете.

Весь Ваш Алексей Жемчужников.

Прошу Вас повременить печатанием моих двух первых стихотворений. Во-1-х) вообще нет причины торопиться их печатать, а во-2-х) может быть ветер подует так, что в Октябрьской книжке можно будет напечатать вместе все три стихотворения, отметив под последним, что оно написано в конце Августа. Мне кажется, что перемена в настроении общества и цензуры возможна и тогда теперешние затруднения могут сгладиться значительно. Я не имел целое лето и не имею еще теперь Вестника Европы; но читал в заграничных газетах, что он напечатал статью, сдерживающую хвастливое настроение общества и советуемую обратить внимание на свои собственные вопиющие недостатки. Подобную же заметку об этой статье В. Евр. прочел я и в «Голосе». Так как я сам этой статьи не читал, то и не могу судить, насколько она основательна и насколько обнаруживается в ней то мужество, о котором упоминает один русский корреспондент газеты *Indépendance Belge*, — если не ошибаюсь. Впрочем, повторяю, поступайте с моим стихотворением, как знаете, — печатайте его, если можно, если нельзя — не печатайте. Я же спорить и прекословить не буду.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жемчужников, Алексей Михайлович (1821—1908) — поэт, известный главным образом своими гражданскими стихотворениями, в которых он выступает отчасти попутчиком революционно-разночинской лирики 60-х годов. Цикл писем к нему Салтыкова печатается в настоящей книге, в том числе — письмо от 8 сентября 1876 г., ответом на которое является настоящее письмо Жемчужников.

² Жемчужников имеет в виду свое стихотворение «К самому себе», направленное против официального «славянства» консервативных слоев современной дворянско-помещичьей общественности. Стихотворение это было переслано им Салтыкову вместе с двумя другими: «За днями ненастными с темными тучами» и «Чувств и дум несметный рой».

³ «Биограф-ориенталист» — Григорьев, Василий Васильевич (1816—1881) — в то время начальник Главного управления по делам печати. В упомянутом письме к Жемчужникову Салтыков жалуется на чрезвычайно грубый прием, оказанный ему Григорьевым, когда он зашел к последнему для переговоров по делам «Отечественных Записок».

⁴ Вероятно имеется в виду «Внутреннее Обозрение», напечатанное в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1876 г.

Сами Вы, пожалуйста, не утруждайте себя ответом ко мне, многоуважаемый Михаил Евграфович, а мне позвольте досказать Вам еще два-три слова по поводу созданного Вами типа Иудушки: у меня это очень на сердце лежит — и при том мне теперь почти никогда не приходится говорить об этих вещах и по старости и потому, что не с кем. Я очень рад, что мое первое письмо не рассердило Вас, чего я крайне боялся. Я, гуляя, занес его сам, чтобы оставить, если не застану Вас дома, но, узнавши, что Вы больны, не решился войти. Мне кажется, что, неся на себе двойное бремя, т. е.

и «Отеч. Зап.» и свою собств. часть, Вы долго не оправитесь вполне так, как я видел Вас в первый раз по возвращении из-за границы.

Обращаюсь к Иудушке. Вы правы, говоря, что у него должен быть свой С е д а н, именно Седан — в смысле только конца. Настоящий герой Седана, тоже безудобный, не бросился под пули и штыки (как один из его генералов, кажется, Дуэ), когда увидел, что все кончено, а положил шпагу к ногам Вильгельма и закурил папироску. В Вильгельмское он катался на коньках и пал только от разрыва мочевого пузыря.

И в Вашего И у д у ш к у упадет молния, попадет в нем все, но на спаленной почве ничего нового, кроме прежнего же, если бы он ожил, взойти не может.

[Приписка сбоку:] Вы, работая над ним сами, может быть бессознательно чувствовали объективное величие этого типа, ибо Вы обыкновенно сами бьете по щекам горячо Ваших героев, к нему обращаетесь только с язвительной, чуть не почитительной иронией. Да иначе и нельзя: что можно прибавить, какую дать пощечину — в добавок к ужасающей детали о тарантасе.

Поэтому он и не удавится никогда, как Вы это сами увидите, когда подойдете к концу. Он может видоизмениться во что хотите, т. е. делаться все хуже и хуже: потерять все нажитое, перейти в курную избу, перенести все унижения и умереть на навозной куче, как выброшенная старая калоша, но внутренне восстать — нет, нет и нет! Катастрофа может его кончить, но сам он на себя руки не поднимет! Разве сопьется — это еще один возможный, чисто русский выход из петли!

Я следил за одной такой, близко знакомой мне натурой, замкнувшейся в своем углу. Такой же любостыжатель, как Ваш И у д у ш к а, и прелюбодей, не случайный, как Ваш герой, а всецельный и неудержимый. Доведший до отчаяния и оттолкнувший жену, смотревший на своих детей, как на поросят, он только и делал, что отрезывал земельные клочки у мужиков, да прохаживался по их женам и дочерям, переводя мужей и отцов, чтоб не мешали, в другие свои дальние деревни. Все от него отступились, чужие и свои, но он крепко и несмущаемо жил в своем захолустье, и сам м н е говорил (я провел два дня случайно в его углу), что на него очень злобны мужики и дворня — и пожалуй непрочь «сбить» его, «да я им покажу!» заключил он.

И показал бы действительно, если бы те не поторопились. Месяца через два после моего визита, два оскорбленные им мужа и третий, обиженный отрезком земли, подкараули его вечером на прогулке, буквально выпотрошили его, т. е. разрезали живот и выпустили кишки.

Вот какие Седаны возможны для такой натуры!

Ведь нанести себе удар ножом, пустить пулю в лоб — это значит все-таки сознать какой-нибудь ужас своего положения, безотрадность падения, значит почувствовать в себе утробу — нет, в такой натуре — ни силы на это не хватит, ни материалу этого вовсе нет. Один куриный страх мог бы заставить покуситься его на это (как бывает со слабонервным), но [приписка сбоку страницы:] и для этого надо иметь избыток воображения — и он может загнать его в темный угол, чтобы спрятать голову.

Так я разумею его натуру! Буду ждать с нетерпением появления его особой книгой: мне кажется, это уже одно поможет читателю выделить его из массы других Ваших чисто субъективных и посвященных быстротекущей злобе дня произведений.

Простите мне мои мнения — и прощайте — до свидания с повторением просьбы не утруждать себя ответом. — Преданный Вам И. Г о н ч а р о в.

[Приписка сбоку:] Прежде и больше всего желаю Вам скорее выздороветь. В бессоннице, кроме болезни, участвует много и гнусная оттепель.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ¹

[Декабрь 1877 — январь 1878]

Мног[оуважаемый] Мих[аил] Евгр[афович]!

Я все ожидал обещанного Вами письма по поводу окончания моих «Сердец», к[ото]рое должно было, как я думал, несколько уяснить мне — в виду каких соображений были сделаны Вами столь значительные выпуски: были ли они сделаны исключительно в виду цензурных соображений, или же в виду их слабого значения в литературном смысле. — Разрешение этих вопросов не потеряло для меня значения и теперь, и я принужден опять надоедать Вам со своими «Сердцами». — Дело вот в чем. Когда после напечатания первой половины повести стало для меня ясно, что она оказалась «неудавшейся», я бросил первый задуманный мною план ее и решил елико возможно сократить ее и поскорее кончить. — Вы, с своей стороны, еще более помогли мне в этом. Таким образом у меня собралось теперь значительное количество отдельных эпизодов этой повести, характеристик и сцен, — отчасти не помещенных мною самим, отчасти выпущенных Вами. — Предполагая, что выпущенные Вами места оказались неудобными единств[енно] в цензурном отношении и именно при том освещении и в той комбинации, в каких они были представлены мною раньше, — я думаю, что все эти эпизоды и характеристики, будучи иначе комбинированы, не имея с внешней стороны ни резко выраженной связи с оконченной уже повестью, — могли бы, кажется, иметь свое самостоятельное значение и в прилагаемой новой комбинации пройти благополучно. (Конечно, само собою разумеется, если Вы признаете за прилагаемым рассказом хоть какое-нибудь литературное значение). — Прилагаемый рассказ «Странные люди» (предполагавшаяся прежде 8 глава) и представляет эту новую комбинацию, имеющую, по моему мнению, самостоятельный интерес и, с внешней стороны, за исключением фамилий действующих лиц, не напоминающий ничем о связи с законченными уже «Золотыми Сердцами».

Если окажется необходимым, — то можно, во-1-х, вовсе не упоминать, что это эпизоды из «Золот. Сер.», во-2-х, не подписывать мою фамилию, во-3-х, заменить даже и фамилии Морозова и Башкирова. — Позвольте же мне покорнейше просить Вас прочитать этот рассказ и напечатать его, если будет какая-либо возможность. Я извиняюсь перед Вами за эту надоедливую настойчивость, с которою вопреки Вашим указаниям — обратиться лучше к народному быту — я преследую почти невозможные цели. Я бы, может быть, и отказался от последнего, — если бы не желание, в той или иной форме, досказать то, что хотелось: во-первых, утилизировать выброшенные места так или иначе, во-вторых, и наконец — самое главное — придать хоть маломальски цельный смысл отдельному изданию «Зол. Сер.» (к несчастью начатому в виде отдельных оттисков еще тогда, когда я и не предполагал о могущей постигнуть их неудаче), вставив этот эпизод в надлежащее ему в целой повести место.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911) — один из крупнейших представителей русского литературного народничества. В начале своей литературной работы встречал со стороны Салтыкова более или менее положительное хотя и осторожное отношение, в дальнейшем однако, в связи с отходом Златовратского от «Отечественных Записок» накануне их закрытия, круто изменившееся. Ср. его отзывы о Златовратском в письмах к Михайловскому («Письма», стр. 253), к Глебу Успенскому («Голос Минувшего» 1914, кн. V), а также ниже № 13, 14, 16 и т. д.

Из ответных писем Салтыкова сохранилось лишь одно. Оно публикуется в настоящей книге (см. выше).

Настоящее письмо — черновое, повидимому даже не дописанное до конца. Зачеркнутые места здесь не воспроизводим. Дата определяется его содержанием: «Золотые сердца» Златовратского печатались в 4-й, 5-й, 8-й и 12-й книжках «Отечественных Записок» за 1877 г. Из текста письма видно, что оно писано после напечатания последней части «Сердец» и очевидно непосредственно по получении 12-й книжки, вышедшей между 5 и 10 декабря.

4

В. С. КРОТКОВ¹

9 июня 1878 г. Гжатск

Милостивый Государь Михаил Евграфович!

Чтобы расстаться с Гжатском и переехать на жительство в Петербург, мне необходимо иметь не менее тысячи рублей, что составит гонорар (по цене, которая обыкновенно назначается мне Ред.) за пятнадцать печатных листов. Деньги эти я заработаю до 1 сентября сего года и буду высылать статьи последовательно по мере переписки их в оконченном виде. 16-го тек. июня отправлю «Раненую Бальницу», за которой пойдут «Оссия», «Мобилизованные дамы», «Неофициальное положение», «Винокуренное дело», «Земское семейство», «Барыня-блажиха» и «Прокурорчик». Разумеется этим далеко не исчерпывается запас материалов, которыми я располагаю. Задержки в доставке моих работ в Редакцию, ручаюсь, не будет, лишь бы я положительно знал, что Вы дадите мне средства уехать отсюда и устроиться в Петербурге. Еще раз покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не отказать мне в этом. Надеюсь, что и со стороны Г. Краевского не будет никаких препятствий к исполнению моей просьбы. Ответа Вашего ожидаю, как приговора.

С истинным почтением и глубокою преданностью имею честь быть Милостивый Государь Вашим покорнейшим слугою.

В. Кротков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Кротков, Валерий Степанович (р. 1846) — беллетрист, автор печатавшихся в «Отечественных Записках» очерковых циклов «Записки провинциального адвоката» и «Из записок провинциального адвоката». Удался ли его переезд в Петербург, о котором идет речь в письме, — неизвестно. В 1884 г. Салтыков ходатайствовал перед Литфондом о выдаче ему единовременного пособия. См. «Письма», стр. 251.

5

П. В. АННЕНКОВ¹

1-ое октября н. с. [18]80

Baden-Baden Ludwig-Wilhelms Platz, 8

Добрейший Михаил Евграфович!

Парижское Ваше письмо я получил, когда еще находился под свежим впечатлением прочитанного «За рубежом». Это прелесть. Мне кажется, что одни комментарии к Вашим рассказам могли бы составить порядочную репутацию человеку, который бы за них умело взялся. В виду того, что Вы один из самых расточительных писателей на Руси, комментарии почти необходимы. — Сколько собрано намеков, черт, метких замечаний в одном последнем рассказе, так это до жуткости [?] доходит — всего не разберешь, всего не запомнишь. Только что остановишься на одном ударе лопаты в рудоносную жилу — смотришь лопата брошена и вспахивается почва сов-

сем в другом месте. Идеи, глубокие загляды [?] в нутро жизни, всякие слова, поражающие определения так и мелькают перед глазами. Это становится даже недостатком, который в последних произведениях Ваших особенно виден. Слишком много даете зараз ценного добра читателю, слишком торопитесь на растрату своего имущества. Читатель обременен золотом, которое Вы всыпаете ему в карман, и ходит, как шальной от восторга, но сколько он получил — хорошенько не знает. Опомниться, сосредоточиться ему нет времени; он только и знает, что вынимает один червонец — характеристику или анекдот — за другим и радуется им, показывая встречному и поперечному, но [своего] итога своему выигрышу не подводит. Поменьше бы ему давать, да приговаривать, как Гоголь, который на требования друзей о выпуске 2-й части Мертвых Душ отвечал: пускай раскусят хорошенько первую. Литература, как сено: дроссованное и в кольцо свернутое долее держится.

Простите, ради бога, длинную рацию — это оттого, что больно уж расшевелил меня превосходнейший Ваш рассказ, а то я и сам знаю, что нельзя упрекать автора за обилие его мысли, средств и ресурсов. Это ведь французская жалоба жениха — *la mariée est trop belle*.

У нас все по-старому и холодаем, [в] как предписано небом и хозяевами домов. Впрочем все живы.

П. Анненков

Забыл № вашего дома на Литейной — напомните, пожалуйста.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Анненков, Павел Васильевич (1812—1887) — критик, мемуарист, примыкавший к так называемой эстетической школе (Дружинин, Боткин и т. д.). Несмотря на всю противоположность общественных и литературных позиций, до конца жизни поддерживал дружескую связь с Салтыковым и состоял в постоянной переписке с ним. Настоящее письмо представляет собою ответ на письмо Салтыкова от 2 октября 1880 г. (см. «Письма», стр. 188; на публикуемое здесь письмо Салтыкова отвечал 18 октября; см. там же, стр. 193).

6

Н. А. АРНОЛЬДИ¹

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Из письма Вашего пришлось убедиться, что появление «Василисы» в русской печати в настоящую минуту немислимо. Требуемые сокращения и изменения равняются перестройке всего здания, с изъятием краеугольного камня. — Ради чего?

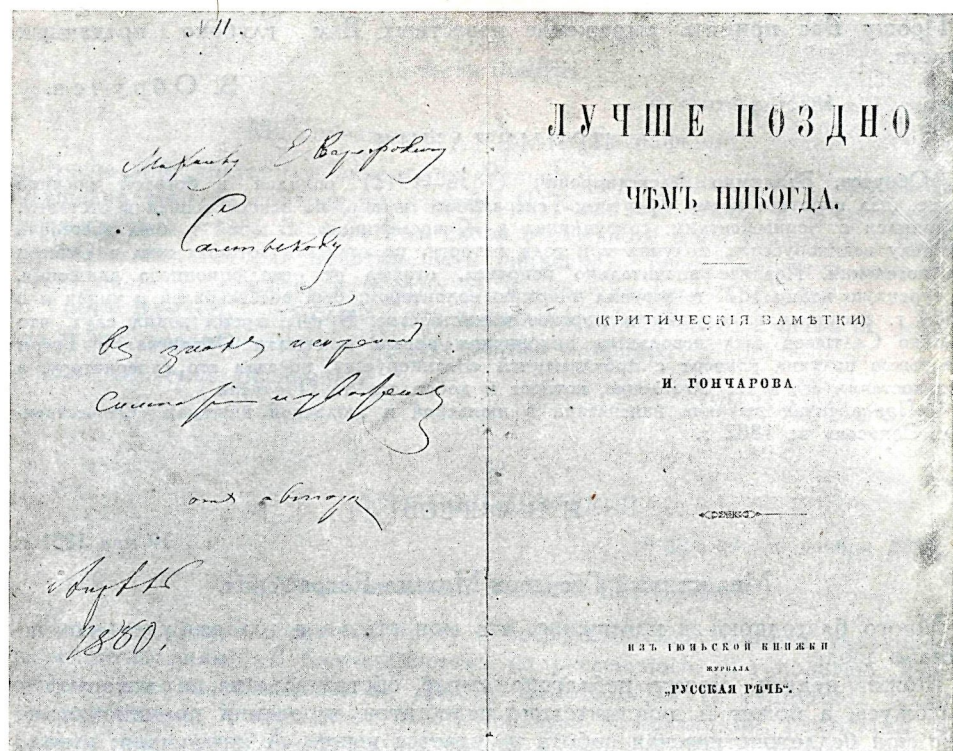
Надо поставить крест на мечту видеть «Василису» в русском издании и писать новый роман менее резкий по форме, — хотя бы и не менее определенный в своих существенных заключениях.

Задача не легкая: но выполнить можно, — тем более, что мы, начинающие писатели, имеем в авторе «Монрепо» и «За рубежом» великого учителя в искусстве проводить положительные идеалы в отрицательной форме.

У меня есть тема, и есть сильное желание работать. Если повезет, роман будет окончен в октябре. В течение лета могу выслать Вам первые главы: Вы тогда увидите, пригоден ли роман для Вас или нет.

А теперь позвольте поблагодарить Вас за сочувствие, с которым Вы отнеслись к моему труду, — сочувствие, которое очень для меня дорого и ободряет идти дальше по избранному пути.

Н. Арнольд

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА «ЛУЧШЕ ПОЗДНО — ЧЕМ НИКОГДА» И. ГОНЧАРОВА
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. Е. САЛТЫКОВУ (АПРЕЛЬ 1880 г.)

Собрание И. Н. Розанова, Москва

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Арнольди, Нина Александровна жила за границей, была близка к русской революционной эмиграции, по сведениям III Отделения субсидировала «Набат» Ткачева. Эмигрантскому быту и посвящен ее роман «Василиса», изданный в 1879 г. за границей под инициалами «Н. А.» и в России впервые напечатанный только после Октября в 1917 г. Упоминаемое ею письмо Салтыкова с отзывом о романе неизвестно.

7

В. А. ОБРУЧЕВ¹

7 мая 1881 г.

Новгород, Дворцевая ул., д. Шелкунова

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Сегодня отправил ценной посылкой, в адрес Редакции, от своего имени, но надпись «Ив. Бредихин» рукопись под заглавием «Приказчищя Выучка»². Около 7 листов.

Вымышленного ничего. Рассказ в первом лице, но внешние обстоятельства списаны с товарища. Наружность и семейные отношения бывшего хозяина изменены.

Ежели годится, или ежели возможна для меня другая работа, или ежели условно одобрите письма из Франции, будьте добры, почтите строчкой. Тотчас приеду в Питер.

Мирной палестины мне здесь никакой указать не могли. Живу у мелкого чиновника, с которым не вижусь. Вообще не вижусь и не буду видаться ни с кем.

Прошу Вас принять выражение известных Вам глубоко преданных чувств.

В. Обручев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обручев, Владимир Александрович (1836—1912) родился в богатой военной семье, был короткое время офицером Генерального штаба, но вскоре вышел в отставку, сблизился с Чернышевским, сотрудничал в «Современнике». В 1861 г. был арестован по делу великорусцев, получил три года каторги, по отбытии которых жил в Сибири на поселении. Позднее значительно поправел, отошел от революционного движения. В турецкую войну 1877 г. вступил в армию волонтером, был восстановлен в чинах и в 1884 г. поступил на службу в морское министерство. В свое время ходил слух, что именно Салтыков был невольным виновником ареста и ссылки Обручева: в Твери Салтыков получил конверт с прокламацией «Великорусса», показал его губернатору, а тот доставил его в III Отделение, которое и добралось до Обручева.

² «Приказчиья выучка» напечатана в июньской и июльской книжках «Отечественных Записок» за 1882 г.

8

Н. Н. ФИРСОВ¹

10 мая 1881 г.

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Много благодарю за извещение, что моя статья о голоде будет напечатана в июле.

Может недуги, может неблагоприятные обстоятельства, в которых я нахожусь, а может и действительно недостаток дарования причиной того, что моя беллетристическая работа не удастся нынче. А жить надо; и надо воспитать детей. Да и без работы с ума сойдешь. Поэтому я прибегаю к Вам с великой просьбой, если представляется какая-либо возможность, доставить мне более или менее определенную работу. Напр. перевод с итальянского или с английского. Я хорошо знаю оба языка. Или какую-либо композицию, что ли. Для меня было бы очень хорошо, если бы я мог поместить какой-нибудь перевод и доставить два-три очерка в год по общественной и политической итальянской жизни, а также литературе. Нечто вроде корреспонденции. Охотнее же всего я бы взялся за сообщение отзывов о новых книгах и журнальных статьях, выходящих во Франции, Англии и Италии, книги и журналы у меня под руками. К тому же я к зиме для воспитания сына должен переехать в Брюссель.

Выражаясь коммерческим языком, мне бы хотелось иметь более или менее обеспеченную работу на 75 (или около) рублей в месяц, и если Вы можете ее доставить, буду глубоко признателен.

Не легко писать на пятом десятке такие письма, и я не сомневаюсь, Вы, если и не можете ничего сделать, не оставите письма без ответа.

Глубокоуважающий и преданный Вам

Ник. Фирсов

Мой адрес: (в Неаполь) в заголовке письма.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Фирсов, Николай Николаевич — в молодости артиллерийский офицер, позднее редактор журнала «Рассвет» и председатель новгородской Губернской земской управы. В 1872 г. уехал за границу, жил главным образом в Италии, занимался литературной работой. Состоял заграничным корреспондентом ряда петербургских газет, постоянным сотрудником «Отечественных Записок», а также «Вестника Европы» и «Русских Ведомостей». Писал под псевдонимом «Л. Рускин». Упоминаемая в настоящем письме статья — очевидно «Ирландский вопрос». В июльской книжке «Отечественных Записок» она помещена без подписи, но, судя по содержанию, — в ней много говорится о голоде ирландских крестьян — речь идет именно о ней.

9

А. Н. ПЫПИН

29 сентября 1884 г. Петербург

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Вчера мне доставили экземпляры Вашей новой книги «За рубежом». Душевно Вам благодарен за память. Я редко Вас вижу и воспользуюсь этим случаем, чтобы сказать Вам снова о глубоком моем уважении к Вашей деятельности, которая поистине есть [явление?] беспримерное в летописях отечественной словесности и отрадна в переживаемые времена.

Пишу Вам это — на словах это вышел бы комплимент, а я его не делаю, да и вы, вероятно, также. Будьте только здоровы.

Вам искренне преданный

А. Пыпин

10

А. О. НОВОДВОРСКИЙ¹

Ницца, 14—26 ноября 1884 г.

Глубокопочитаемый Михаил Евграфович.

Я проехал по Вашему маршруту и воспользовался Вашими указаниями и рекомендациями. В благодарностях не рассыпаюсь, ибо полагаю, Вы в них ни мало не сомневаетесь. Доктор Белоголовый (с супругою) просто очаровал меня. Я выехал от него с теплыми пожеланиями, рецептами, советами, письмами, хлебом-солью, вином и курицей. Он с женою проводили меня на вокзал и решились вернуться только усадивши меня в тот варварский курятник, который на здешнем языке называется вагоном 3-го класса. Я полагаю, что эти курятники — последний отголосок древних застенков с их пытками. Я выдержал благополучно русских евреев, немецких солдат и бюргеров с их сигарами и колбасами, а французская дорога меня победила, и в Марсели я шибко прихворнул. Григория Захаровича я нашел в весьма удовлетворительном состоянии здоровья, на вид по крайней мере. Он устроил меня в пансионе Серяковой² (8 фр. в день) и был так добр, что уже посетил меня в новом обиталище. Город устроен и сложился так подло, что действительно за 50 руб. в месяц, как я располагал, прожить невозможно. Я, однако, решился здесь не особенно засиживаться и намерен поискать климатов подешевле. Но я боюсь утомить Вас.

С глубочайшим уважением

А. Новодворский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новодворский, Андрей Осипович (1853—1882), псевдоним А. Осипович, — известный беллетрист-народник, в судьбе которого Салтыков принимал близкое участие.

² Вдова скончавшегося в Ницце в январе 1881 г. академика-гравера Лаврентия Авксентьевича Серякова.

11

Л. И. МЕЧНИКОВ¹

[1881—1883 гг.]

На первый раз я предложил бы в редакцию «Отеч. Зап.» главы из своих личных воспоминаний, касающихся времени моего с лишком двухлетнего пребывания в Японии на службе тамошнего министерства народн. просвещения. — Воспоминания эти, изложенные в чисто беллетристической фор-

ме, довольно обширны и разнообразны, так как я еще до отъезда из Европы освоился с японским языком и свел обширные знакомства с главнейшими из руководителей японск. прогрессивного движения, а потому, живя в самой стране, я мог довольно основательно войти в японскую жизнь, общественную и домашнюю, гораздо полнее и глубже, чем это удастся большей части европейских туристов. Размеры и рубрики моих «воспоминаний о Японии» будут зависеть от числа листов, которые Редакция сочтет возможным посвятить этому предмету. — Долгом считаю обратить внимание на то, что я предлагаю Редакции «Отеч. Зап.» исключительно беллетристическую часть своих заметок и воспоминаний об этом путешествии, которого научные результаты уже опубликованы мною, преимущественно на французском языке.

Кроме «Японских воспоминаний», я бы предложил также беллетристические рассказы о моих встречах с Гарибальди и о жизни на Капрере в 1865 г. При этом желательно было бы знать, в какой мере возможно в русском журнале писать о времени польского восстания. Последняя моя встреча с Гарибальди состоит в тесной связи с организацией польской вооруженной экспедиции на Черном море, составляющей интересный реп-дент к экспедиции Лапинского, о которой подробный отчет был напечатан в одном из наших археологических сборников. — Если не имеется препятствий к рассказу о этих временах и об этих мечтаниях, то, вероятно, мне придется придать этим главам своих воспоминаний вид повести, с вымышленными именами и с умышленным переименованием некоторых подробностей.

Л. И. Мечников

(Он же Леон Бранди и Эмиль Венегри.)

Не желает ли редакция «Отеч. Зап.» получить от меня отчет, в публицистич. форме, о современной агитации по поводу «Национализации Земли» в Англии?

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мечников, Лев Ильич (1838—1888) — старший брат известного биолога, географа и социолога; в 1860 г. поступил волонтером в знаменитую «тысячу» Гарибальди и был тяжело ранен в сражении; его «Записки Гарибальдийца» были напечатаны под псевдонимом Леона Бранди в «Современнике» 1864 г. В 1874 г. был приглашен японским министерством народного просвещения по поводу предпринимавшихся реформ и устроил в Идео русскую школу. Вернувшись в Европу, сотрудничал у Э. Реклю в его сочинении «Geographie Universelle», а с 1884 г. был профессором сравнительной статистики и географии в Невшательской Академии. Много сотрудничал в «Русском Слове», «Современнике», «Деле», «Русском Богатстве». В 1881 г. в Женеве было издано его обширное (692 стр. 4^о) сочинение о Японии «L'Empire Japonais», а в 1889 г. труд «La civilisation et les grandes fleuves historiques», Paris (русск. перевод — 1898 г.). Повидимому его предложения были встречены Салтыковым отрицательно, так как ни той, ни другой их предлагаемых им работ в «Отечественных Записках» не находится. Статью «Проекты аграрных преобразований в Англии» Мечников напечатал в «Деле» 1883 г., кн. I—II.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

29 февраля 1882 г. Петербург

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Я к Вам с просьбой¹ и вместе за советом. Впрочем, я ни в каком случае не желал бы, чтобы просьба моя могла принести Вам хоть малейшее стеснение. Возможно Вам будет оказать мне содействие — я Вам буду очень благодарен, нельзя — я или совсем брошу задуманное дело или отложу его до более благоприятного времени. Прежде всего мне бы хотелось вы-

[illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА Л. МЕЧНИКОВА В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»
(ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

слушать Ваш совет. Дело вот в чем: за последние годы у меня скопился ряд статей о народе, каковы «Дер. будни», «Красный Куст» и «Очерки дер. настроений», статьи, как Вам известно, однородные как по форме, так и по содержанию. Теперь они составляют уже около 22 листов формата «Отеч. Запис.» Конечно, Вам известно и то, насколько временный интерес имеют все эти статьи, — мне кажется, если я не ошибаюсь, — что в настоящее время интерес их еще не пропал для читателя. В виду этого, мне представляется бесполезным и не слишком рискованным издать эти мои статьи отдельной книгой, так как спрос на такие книги в настоящее время, кажется, наиболее благоприятен. Продавать издание предпринимателям представляется до такой степени невыгодным и унижительным, что приходится лучше оставить статьи разбросанными по журнальным книжкам, чем толкаться на рынке за грошами. Вот почему мне хотелось бы их издать, при помощи доступного и необременительного кредита, с тем чтобы кредит тоже был покрыт из распродажи 1-х экземпляров.

Итак, прежде всего, насколько Вы лично находите мои расчеты и соображения правильными? Или может быть я ошибаюсь и тогда рассейте мои фантазии. Впрочем, во мне не столько сильно желание получить больше, чем могут мне дать издатели, — сколько желание собрать эти разбросанные на протяжении трех лет и почти недоступные для прочтения сразу статьи в одно целое. Может быть в этом виде они кому-нибудь будут полезны и небезынтересны. Только бы окупить издание — и это было бы хорошо.

Затем, если Вы признаете хоть несколько заслуживающими внимания мои расчеты, — не найдете ли Вы возможным оказать содействие моему изданию при посредстве типографии Краевского? Если можно будет это сделать, — то на каких условиях.

Книгу свою хотелось бы издать в формате несколько меньшем, чем «Отеч. Запис.», так, чтобы вышло из 22—25—27 листов. Общее заглавие ей можно бы дать примерно «Письма о народе», в тексте произвести необходимые сокращения. Количество экземпляров могло бы быть 1200—1500, — что обошлось бы, вероятно, рублей 650—700. Цену можно бы назначить от 1 р. 50 к. до 2 руб.

Извините, пожалуйста, что я Вас беспокою. Прошу об одном — не смотрите на эту просьбу мою, как на назойливость. Если содействие Ваше в этом деле сможет представить для Вас хоть малейшее затруднение — откажитесь прямо.

Но прежде всего не откажите сообщить — насколько на Ваш взгляд мое желание сделать отдельное издание этих статей может быть основательно.

Искренне уважающий Вас

Н. Златовратский

Мой адрес: Невский (Старая Конная), д. 13, кв. 8.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Высказываемая в настоящем письме просьба Златовратского была исполнена Щедриным, устроившим ему типографию Краевского для выпуска первой его книжки, вышедшей в свет в этом же году («Деревенские будни», СПб., 1882). См. ниже № 19.

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Вчера я получил телеграмму о скоропостижной смерти своего отца. К общим неудачам за последнее время прибавилось еще весьма тяжелое для меня горе: потеря человека, которого я много любил и уважал.

На днях я должен выехать на родину, чтобы помочь матери и семье, оставшимся, конечно, ни с чем.

Позвольте надеяться, что Вы и теперь не откажете мне в своем участии, как никогда не отказывали и раньше.

Прежде всего, прибавить еще главу, как я думал, к доставленной Вам рукописи я совсем не могу теперь.

На выезд из Питера у меня осталось так мало денег, что с семьей никак не обернешься, — а потому я просил бы Вас, если Вы найдете возможным напечатать продолжение «Устоев»¹, — выдать мне вперед гонорар.

Затем мне предстоит неизбежное покрытие расходов на похороны и на первое обеспечение матери с семьей, — для чего потребуются необходимая ссуда. Как велики могут быть теперь ее размеры, я не могу определить с точностью, но думаю, что они не превысят 300 р. Я покорно просил бы Вас сообщить мне: найдете ли Вы возможным непосредственно помочь мне этой ссудой из фондов «Отеч. Запис.», или же я мог бы получить ее, с возможно продолжительной рассрочкой, из Литературного Фонда, при Вашем содействии. Тогда бы по приезде на родину и сведении счетов, я сообщил бы Вам обо всем подробно. Что же касается продолжения «Устоев», то, по возможно скорейшем приведении дел и своей головы в порядок, я тотчас же приступлю к их продолжению и аккуратно буду писать в течение всего лета и осени. Этой работе я уже отдался теперь окончательно, и если что помешает ей, то моя болезнь, на которую, впрочем, лето в деревне действует всегда благотворно.

Очень тяжело мне, Михаил Евграфович, постоянно беспокоить Вас просьбами, — но я надеюсь, что Вы это не поставите мне в большую вину, в виду исключительных условий моего существования, главным образом обусловленных моей болезнью.

Если бы Вы знали, как мне самому безотрадно тяжело при мысли, что можно и должно было бы сделать, если бы дышалось хоть несколько легко и свободно. Вы сами знаете, что даже то небольшое, что я успел еще сделать, — лично было исполнено только при неослабном участии ко мне редакции «Отеч. Запис.» — Без этого стороннего участия моя деятельность была бы немыслима так же, как до сих пор еще не мыслимо для меня выйти на улицу без сопровождения близкого мне лица. Плохой я рыцарь в борьбе за существование.

Вы можете понять, что должен чувствовать я теперь, когда еще приходится воевать за существование других.

Искренне уважающий Вас

Н. Златовратский

Мой адрес: Невский (Старая Конная), д. 13, кв. 6.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ «Устой» — центральное произведение Златовратского, начатое печатанием с ноябрьской книжки «Отечественных Записок» за 1880 г. См. ниже №№ 14, 17 и т. д.

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Доставленная мною в типографию рукопись трех глав «Устоев» представляет, по моему мнению, несмотря на свой сравнительно малый объем, настолько законченную и цельную картину, что никак не является чем-то совершенно разорванным. В этих видах я и доставил ее для 4-й книжки,

полагая, что объем в этом случае не будет особой помехой к помещению. — Но так как Вы сочли теперь более удобным отложить помещение этих глав до 5-й книжки, пока я не доставлю еще нескольких глав, — то я предполагаю, что мне нужно будет написать еще столько же, чтобы дальнейшее продолжение вместе с доставленными главами снова представляло собою более или менее законченное целое. Я и постараюсь всемерно сделать это к 25-му числу. Во всяком же случае я считаю не лишним обратить Ваше внимание на то, что и доставленные главы имеют характер почти отдельного рассказа.

Все квитанции на книжные магазины будут мною переданы завтра же Гасперу.

Преданный Вам

Н. Златовратский

15

Н. Н. ФИРСОВ

12 июня 1882 г. Неаполь. Италия

Милостивый Государь.

В мае месяце я послал в редакцию Отеч. Запис. мой очерк Союзники¹. Вы были так добры, что выслали за него часть денег вперед. Не нахожу слов благодарить. Эти деньги дали мне возможность прожить настолько спокойно 3 месяца, что я мог написать другую вещь, которую позволю себе одновременно с сим препроводить Вам в двух свитках под бандеролями. Совестно, что каллиграфически она очень плоха. Что делать! Здесь решительно некому переписывать, а мне самому некогда, ибо я, кроме литературной работы, которой питаюсь, обучаю сына. В предлагаемом очерке описана монастырская жизнь (женских и мужских монастырей). Я более 1/2 моей жизни провел в стране, изобилующей монахами и монастырями, и мог писать с натуры. Все описанное совершается и по сей день, и очерк современен. Очерк сам по себе составляет целое. В нем изображены несообразности монастырского существования даже с самим христианством. Архимандрит Феофан, аскет и фанатик (но любящий) — почти единственный из изображенных монахов пошедший в монастырь по влечению во имя спасения (земного и небесного) человечества. Он не находил в своем ремесле удовлетворения. Девушка (из семьи мелкопоместных дворян), взятая в монастырь 8 лет, не выдерживает и бежит. Этим ограничивается в общих чертах очерк, оконченный мною ныне. В письме я, конечно, не могу дать о нем надлежащего понятия и просил бы Вас иметь терпенье пробежать до конца рукопись. Я думаю, что она может быть напечатана самостоятельно, хотя я имею в виду написать давно задуманное продолжение. Недовольный духовной деятельностью Феофан, вследствие бегства Нади, приходит в соприкосновение с людьми (Уваловыми), живущими иначе, чем все те христиане (светские и духовные), которые видят в Уваловых опасных членов общества и государства. Невзирая на то, что они стоят далеко от всякой официальной религии, Феофан находит, что в жизни Уваловых, воплощающей живые (опасные) принципы, и проявляются основные, полезные для людей христианские принципы и что «собственно их деятельность, а не деяния духовенства клонится к благу человеческому». Эта мысль будет, конечно, выражена очерками живых людей, которых я наблюдал. Ничего фантастического. Цензуру я надеюсь не раздражать.

Если Вы признаете посылаемую ныне рукопись годною, я позволю себе опять тревожить Вас великой просьбой, распорядиться высылкой части гонорара (рублей 200) вперед. Пожалуйста простите за такую бесцере-

монность. Я знаю, что с Вами можно говорить откровенно. Я надеюсь, что месяца через 2 я буду иметь возможность доставить и 2-ю часть, которая также будет иметь форму самостоятельного очерка.

Мой адрес (Николай Николаевич Фирсов) в начале письма. Но на всякий случай прилагаю адресованный конверт.

Совершенно уважающий

Ник. Фирсов

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Очерк «Союзники» помещен в августовской книжке «Отечественных Записок» за 1882 г. О какой «другой вещи» говорит Фирсов — неизвестно. В дальнейших книгах журнала каких-либо статей, близких по содержанию к той, которую излагает он здесь, не находится.

16

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

25 июня [1882 г. Владимир]¹

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Наконец, я окончательно рискую потерять Ваше доверие. Но что будет с моими и без того расшатанными нервами, — я тоже не знаю. Сегодня сгорел дом наш, единственное, что осталось после отца и где кое-как еще ютилась не оправившаяся после его смерти семья. Я совершенно поражен.

До сего времени я еще справлялся со своими нервами и наконец-таки осилил их и успел написать хотя с грехом пополам листов около трех «Устоев» и завтра их высылаю Вам. Я надеялся тотчас же вслед за тем прислать еще на лист, чтобы поспеть к июльской книжке. Что теперь будет — не знаю. Пишу Вам под впечатлением пожара. Денег у меня ни копейки. Я еще перебивался кое-каким кредитом в надежде на оконченную работу.

Завтра я вышлю Вам хоть часть ее.

Говорю Вам откровенно: пожалуйста поддержите. Я совсем растерян с двумя семьями на руках.

Когда Вы получите рукопись, не откажите пожалуйста выслать мне рублей двести или полтора. Я же употреблю все усилия, чтобы через две недели или три доставить еще листа два-три.

К сожалению, должен сознаться и извиниться перед Вами, что посылаю Вам черновую рукопись. Чувствую, ужасно больно чувствую, что я делаю непростительно, посылая Вам рукопись, зная ее недостатки, но что же делать? Чтобы привести ее в надлежащий вид мне потребовалось бы еще недели две. Должно быть не нам гнаться за художественностью.

Искренне преданный Вам

Н. Златовратский

Мой адрес: Никол. Никол. Златовратский. Мещанская, дом Яновского.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дата, проставленная самим Златовратским: 1889, представляет собою явную опisku.

17

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

15 сентября 1882 г. [Владимир]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Так как приближается срок присылки продолжения «Устоев» для Октябрьской кн., то я спешу уведомить Вас, что часть рукописи будет мною доставлена Вам к 25-му числу, относительно же второй ее половины покорнейше прошу Вас дать мне сроку еще несколько дней.

Мой любимый Родной.

M. Saltykov

М. Е. Салтыков (Н. Шедрин)
Фотография 1880-х годов с дарственной надписью М. С. Скребицкой
Институт Русской Литературы, Ленинград

Вместе с этим я покорно просил бы Вас выслать мне сюда по известному Вам адресу причитающийся мне за 9-ю книжку гонорар, не делая на этот раз никакого вычета или же, если то будет найдено Вами необходимым, — по возможности уменьшить таковой.

В октябре и ноябре месяцах я буду очень нуждаться в деньгах и поэтому буду надеяться, что Вы не откажете отложить вычет до 11 и 12 книжек, т. е. до предполагаемого окончания «Устоев».

Деньги же мне теперь очень будут нужны потому, что на полученную за страховку сгоревшего дома сумму, очень небольшую и кроме того еще не совсем свою, хотелось бы, — благо есть земля, — выстроить к зиме как-нибудь дом, при помощи хоть банков, так как больной матери с помещан-ным братом и двумя сестрами-гимназистками было бы не особенно удобно цыганствовать со мной, еще более тяжело с таким братом мытарствовать по чужим квартирам.

Я был бы очень рад, если бы удалось мне это устроить. А то и не знаю, что бы мне пришлось с ними делать. В виду этого, я останусь на зиму во Владимире. Будьте так добры, распорядитесь и о высылке мне сюда «Отеч. Запис.»

Искренне уважающий Вас.

Н. Златовратский

18

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

2 октября 1882 г. [Владимир]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Начало рукописи для 10-й кн., как Вы, может быть, уже знаете, — было послано мною 26-го и должно было получиться Вами в то время, когда Вы писали ко мне письмо. Меня самого очень беспокоит то обстоятельство, что я опоздал на один день и не успел выслать к понедельнику, когда Вы обыкновенно назначаете к печатанию статьи. Не знаю, изменили ли Вы свое решение, получив рукопись мою, или же нет. Я чрезвычайно сожалею, что она не попадет в 10-ую книжку, так как этими главами (свадьба Петра) я заканчиваю первую половину «Истории одной деревни». С ноября я хотел начать вторую ее половину, с новой нумерацией глав (История места как волости, и общественная деятельность Петра), а в декабре закончить, предполагая дать в каждую книжку не менее трех листов.

Впрочем, если уже на этот раз дело решилось так, как указали обстоятельства, — приходится, конечно, помириться с этим и отложить печатание посланного мною до 11-ой книжки, к которой я непременно вышло еще предположенные мною главы второй половины. Так что придется печатать их вместе. А это будет, пожалуй, необходимо: иначе придется в декабре поместить сразу листов пять-шесть, чтобы закончить.

Что касается «Будней», то я приму все меры, какие только будут возможны для меня. Прежде всего попробую раздать на комиссию во все магазины и стану печатать объявления. Если через два-три месяца результаты не улучшатся, я все издание запродам «чумазому», чтобы выручить сумму, необходимую для типографии. И тогда пускай «Будни» гуляют по двугривенному на провинциальных и сельских ярмарках. Там, как кажется, нашего брата больше читают, чем в «чистой» публике. Если так, — то и прекрасно: пока больше ничего и не требуется...

Искренне уважающий и преданный Вам.

Н. Златовратский

Вчера послал продолжение рукописи прямо на типографию.

Если в 10-ю книжку «Устой» не попадут, то Вы мне, может быть, по-прежнему не откажете выслать к 20-му числу рублей 200 до расчета. Все-таки деньги мне теперь очень нужны.

19

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

23 октября 1882 г. [Владимир]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

На днях я получил письмо от управляющего типографией Краевского. В нем покорнейше просят меня «сделать распоряжение об уплате моего долга за «Будни». — Что хочет сказать управляющий этим странным словом «распоряжение» — я не могу себе уяснить хорошенько. Но в виду совпадения этого письма с теми обстоятельствами, что я, к моему великому горю, не получил от Вас никакого извещения на мою просьбу о высылке мне денег вперед, в двадцатых числах, если «Устой» не попадут в октябрьскую книжку, — письмо управляющего начинает принимать для меня очень сокрушающий смысл.

Просьба моя к Вам, сама по себе, кажется, не особенно чрезвычайной, чтобы я мог сомневаться в Вашем благосклонном к ней отношении. Это была обычная просьба денег на месячное существование, — и сама по себе не могла вызвать Вашего молчаливого отказа и я жил в полной надежде, что она будет удовлетворена. Значит для отказа в этой просьбе Вы имели какие-нибудь особые причины. Письмо из типографии дает повод предположить, что она хочет наложить секвестр на мой заработок. Я, конечно, против этого вообще ничего не имею. Но за что же хотят со мною поступить так круто, что оставляют без месячного обеспечения, и притом в такое тяжелое для меня время?

Я отвечал управляющему тотчас же, прося отложить вычеты до будущего года, чтобы я успел по крайней мере хоть за половину, т. е. рублей за 200, сбыть «Будни» куда-нибудь. Но так как на результат даже этой просьбы я плохо надеюсь, — то и спешу сообщить Вам, что я готов бы и теперь предложить вычеты, но не больше 20%. В данный момент и это было бы для меня чрезвычайно тяжело. Что же мне делать, что сразу обрушилось на меня столько нелепых и случайных невзгод?.. Ведь уж совсем я не железный человек. Работать усиленнее, чем я теперь работаю, и притом подгонять такую работу к сроку, — я совершенно не могу. И то уже я слишком чувствую, насколько мои работы теряют во всех отношениях.

Вот я теперь простудился и прохворал всего четыре дня, при всем моем старании опять не могу прислать к сроку главы две, в дополнение к 11-й книжке, хотя они у меня почти совсем уже готовы вчерне. Раньше первых чисел я прислать их опять не могу. Во всяком случае, хотя я их и вышлю к этим числам, их придется отложить до 12-й книжки, так как в 11-й они являлись бы обрывком, слишком далеко отрезанным как от предыдущего, так и от последующего. В дополнение к ним в 12-й кн. я напишу еще главы 2—3 и закончу «Устой», в виду очевидной невозможности обработать их при данных условиях так, как я мечтал и надеялся... Добросовестное исполнение таких работ немыслимо, по крайней мере для меня, — только для удовлетворения со всех сторон несущихся требований: денег, денег, денег... Даже самая работа валится из рук, когда видишь, что все сношения по поводу ее ограничиваются только вопросом о сроках и деньгах, да конторскими счетами. Закинутый в глушь, я лишен даже элементарного утешения — знать, насколько нравится твоя работа, шевелит ли она в ком-нибудь мысль, чувство? В чем ее слабость и сила?.. Впрочем, извините за

лишние слова... По поводу этого я еще буду иметь настоятельную нужду поговорить с Вами.

А теперь опять: пожалуйста, вышлите сколько-нибудь денег вперед. Неужели Ваш отказ в моей просьбе мотивируется какими-нибудь еще более суровыми причинами?

Ваш Н. Златовратский.

20

И. И. ЯСИНСКИЙ¹

14 декабря [1882 г. Петербург]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Когда задумываешь писать, то кажется всегда, что выйдет недурно, а когда напишешь, то всегда недоволен. Я обещал Вам, что выйдет недурно; но уж Вы сами это решите, пробежав прилагаемую рукопись. Боюсь, что не сдержал обещания. Одно только могу сказать, что этот «Старый Сад»² стоит мне многих бессонных ночей и душевной муки. Я боюсь также, что меня обвинят в нелюбви к народу; газетчики, которые меньше всего любят народ, особенно падки на такие обвинения, теперь на словах страстно любят народ и Гайдубуров и Суворин, и даже, кажется, Краевский распинается за народ («Народная душа истрадалась»... начинается так какой-то фельетон Голоса). Но обвинения газетчиков можно пропустить мимо ушей. Было бы печально, если бы упрек такого рода пришлось выслушать от лиц, которым веришь и которых уважаешь. В пояснение к эпиграфу, которым я снабдил «Старый Сад», считаю нужным предварить, что не надо упускать из виду, что действие у меня происходит близ станции железной дороги, в деревне, уже совершенно разложившейся от соседства с городской цивилизацией, и что следовательно, если есть место упрекать, то разве за недоверие к цивилизации, развращающей народ. Но, конечно, и эти упреки, если пристальнее взглядеться, неосновательные. Нельзя сомневаться, что в будущем цивилизация принесет народу много добра; но пока солнце взойдет, роса очи выест, говорят малороссы. Переходные формы цивилизации—вот где зло. И не только русское, но и общеевропейское и даже всемирное. Я читал и читаю много антропологических сочинений, путешествий, и везде на всем земном шаре, как вижу, повторяется та же история. Нравственность у первобытного мужика маленькая, но она имеется,—а как только начинается цивилизация—требуемая более широкой и сложной нравственности, то прежней маленькой нравственности нехватает, и начинается безнравственность, пока все не перебродит и не приспособится к новым формам. Спешу, впрочем, прибавить, что, пища рассказ, я никакой предвзятой мыслью не задавался, а старался изобразить, что видел. Летом я жил около месяца под Москвою (50 в.), в Кутузове, и меня поразила полуевропейская наружность крошечной деревни и, главное, странная роскошь ее обитателей. Они из кожи вон лезут, чтобы походить на купцов. Дочь хозяина дачи, где жила моя жена, с презрением относилась к ней за то, что у ней нет шелкового платья. В сущности, это была довольно милая и добрая девушка. Другая, как мы узнали, дочь весьма зажиточного хозяина, продала себя купчику-дачнику за шелковое платье и пару серег, которыми она хотела порадовать общество во время храмового праздника.

В рассказе у меня мужицкая среда очерчена, впрочем, общими штрихами, и весь интерес сосредоточен на дворянине Устольском, нервном и больном человеке, входящем в соприкосновение с этой средой, пострадавшей от цивилизации. От так называемых «реальных» сцен я везде уклонился, потому что мне хотелось придать рассказу поэтическую окраску.

В рассказе будет не больше 3 листов, а может быть и $2\frac{3}{4}$ листа.

Не смею думать, что рассказ Вам понравится, но может быть Вы найдете, что он удобен для помещения в «Отеч. Записк.» В таком случае, я просил бы Вас прислать мне ордер на контору рублей на 150. Я уже должен 150, и Вам может показаться, что я слишком забираюсь. Но право, я с трудом существую, и Вы поверите этому, если я скажу, что семья моя состоит из 7 душ. В январе я кончу «Романтиков» (л. 7). И авось не останусь в долгу.

Глубоко уважающий Вас и искренне Вам преданный

И. Ясинский

Конногвардейская (Пески) 55, кв. 11.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ясинский, Иероним Иеронимович (1850—1932) — известный беллетрист, в начале литературной деятельности примыкавший к радикальному крылу литературной общности, пользовавшийся безусловным сочувствием Салтыкова (см. его отзыв о Ясинском в письме к Михайловскому от 11 сентября 1881 г.: «По-моему Ясинский талантлив. И его не мешало бы привлечь». «Письма», стр. 215) и являвшийся постоянным сотрудником «Отечественных Записок».

На публикуемое письмо Салтыков отвечал Ясинскому 15 декабря. Приводим его еще не появлявшийся в печати ответ полностью, по оригиналу, хранящемуся в собрании П. Е. Безруких (Москва):

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Согласно Вашему желанию, посылаю при сем записку на получение 150 рублей. Повесть Вашу я не успел еще прочитать, но во всяком случае не думаю, чтобы Ваши сомнения были основательны. Народ — особая статья. Притом «народ» — настолько сильная личность, что может вынести всякую правду.

Я должен предупредить Вас, что раньше мартовской книжки едва ли повесть Ваша будет напечатана, потому что материалу очень много. Впрочем, употреблю все меры, чтобы напечатать в феврале.

Весь ваш М. Салтыков

² «Старый сад» напечатан в мартовской книжке журнала за 1883 г.; «Романтики» в «Отечественных Записках» напечатаны не были.

21

А. Н. ПЫПИН

20 декабря 1882 г. Петербург

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

У меня есть к Вам покорнейшая просьба. — Мой давний приятель, Павел Ровинский¹, проживающий теперь уже четвертый год в Черногории, прислал мне для устройства в журнале свою рукопись. Я ее просматривал, нашел интересной как первое описание неведомого до сих пор края: быт черногорский известен Ровинскому до последних подробностей. Я предложил статью М. М. Ст[асюлевичу], но он ее не принял. Я остаюсь о ней при прежнем мнении и потому решаюсь предложить ее Вам для «Отеч. Записок». Я очень просил бы Вас включить ее и затем (Вы возможно знаете, что Ровинский) хотя и занимается славянством, но вовсе не славянофил) меня уведомить, не возьмете ли Вы ее, если не всю, то одну часть. Для Ровинского денежный вопрос очень важен — между прочим, он не имеет, по безденежью, возможности выбраться из Черногории, — но предлагая Вам статью, я руковожусь вовсе не одною филантропией.

Вам душевно преданный

А. Пыпин

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ровинский, Павел Аполлонович (1831—1916) — этнограф-славист, автор большой монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем», т. I—II, СПб., 1888—1897. К предложению Пыпина Салтыков отнесся отрицательно, причислив статью Ровин-

ского к тем, «которые посевают в читателе ежели не ненависть, то полное равнодушие к Черногории». См. его ответ Пыпину в сб. «Неизданные письма», стр. 106.

22

И. А. БУХАЛОВ

Самара 4 января 1883 г.

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Посылаю другую статью—«Борьба».—Размер гонорара опять-таки определите сами. Если статья не годится для Отеч. Зап., то передайте куда-нибудь еще (кажется, не принято утруждать редакторов подобными просьбами, но у меня решительно нет знакомых в Петербурге и в то же время не хочется, чтобы статья пропала даром).

Еще одна просьба: так как моя статья «Земец» не есть выдающееся произведение, то критика, вероятно, пройдет ее молчанием, между тем мне очень бы хотелось слышать отзыв о ней от более или менее компетентного лица,—не можете ли Вы взять на себя труд указать мне в нескольких строках слабые стороны моей статьи?—Ваш отзыв имел бы для меня громадное значение, потому что я серьезно думаю заняться литературой.

Иван Бухалов

Р. С. Не пишите на конвертах «от редакции». Хотя я и исповедую веру по формуле «наплевать! либерал так либерал!», но все-таки хочу возможно дольше продержаться в учителях, а на писательство у нас смотрят косо.

Адрес: Самара. Учителю городского училища Ивану Алексеевичу Бухалову.

23

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

[Январь—февраль 1883 г. Владимир]

Я не только не думаю, что «Отеч. Запис.» уже не существуют, но напротив, с каждым днем все больше укрепляюсь в надежде, что опасность будет для них все больше и больше уменьшаться. Небольшой интервал в моей работе для Вас отчасти именно объясняется этой надеждой; за окончанием «Устоев», мне хотелось бы пособраться с мыслями, чтобы начать что-нибудь посolidнее для «Отеч. Запис.» Всячески хочется как-нибудь повыбиться из необходимости целый век все только «дневники» да «путевые заметки» писать. Просто самому на себя обидно, тем более, что чувствуешь, кажется, мог бы и действительно что-нибудь сделать из материала, который собирал десять лет. Впрочем,—бог весть,—удалось ли бы еще осуществить эту «затею». Вероятно, Вы получили бы от меня что-нибудь из «дневника» еще раньше. Но этим небольшим интервалом я, кроме того, воспользовался, чтобы выполнить обещание, данное мною еще два года назад. С. А. Юрьеву,—написать рассказец на сообщенный им самим мне сюжет. Пока я не кончил «Устоев»,—я никак не мог собраться сделать это. Теперь я ему написал,—и вот, между прочим, еще причина, которая меня несколько отвлекла от работы Вам.

Теперь же я весь снова к Вашим услугам. Да я уже и думал писать Вам, и денег опять думал просить... Что сделаешь! С величайшей готовностью я тотчас примусь за работу; надеюсь, что к назначенному Вами сроку выполню, если только не изменит мне голова... А это весьма возможно, потому что она все еще очень плоха у меня.

В случае чего-либо я Вас уведомлю телеграммой.

Всегда искренне преданный Вам

Н. Златовратский

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «СКАЗОК»
ЩЕДРИНА С ДАРСТВЕННОЙ НАД-
ПИСЬЮ А. Н. ПЫШИНУ

Институт Русской Литературы,
Ленинград

23

СКАЗКИ

М. Е. САЛТЫКОВА (Щедрина).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2-я лп., 7.
1886.

24

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

[Январь—февраль, 1883 г. Владимир]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Никогда мне не было так тяжело чувствовать себя виноватым перед Вами, как именно теперь, когда при всем моем желании исполнить свое обещание, я ничего не мог сделать. Когда я давал обещание, искренне был убежден, что небольшой предположительный рассказ я напишу скоро... и между тем не мог осилить его до сегодня. Я даже сам в очень тяжелом недоумении, отчего это могло произойти.

Впрочем, моя литературная практика, как Вам неизвестно, слишком полна доказательствами, что я не принадлежу к числу тех, которые свободно располагают своими способностями и чувствуют себя, как дома, в своем деле. А упорные и постоянные головокружения только увеличивают этот недостаток. Вследствие этого мало-мальски серьезно задуманная вещь дается мне трудно, в особенности предварительная работа, так как напряженность чувств и сосредоточенность мысли у меня не может быть продолжительна. Все это тем более имеет место теперь, когда с окончанием «Устоев» я уже должен оставить давно эксплуатированную мною сферу явлений и перейти в новую. Приходится осматриваться, намечать основные исходные пункты. Вот почему, пока эти пункты недостаточно мною выяснены,—у меня не мог создаться и небольшой рассказ.

Извините, что я вхожу в мало интересные, может быть, для Вас объяснения. Но что у кого болит, тот о том и говорит. А я прежде всего так виноват перед Вами, что с моей стороны является естественным желание выяснить причину этой вины. Было бы очень прискорбно для меня, если бы что-либо подало Вам повод заподозрить меня в недобросовестности. Больше всего меня тяготит, что, не исполнив даже просьбы Вашей, я в то же время отдаю работы в «Русскую Мысль». Но я уже писал Вам, что тема этой работы была задумана мною давно,—а раз овладев ею, мне приходится разрабатывать ее до конца. Все это дело очень тяжелого для меня совпадения случайностей, которое может подать повод, может быть, к совершенно естественным сетованиям. Но Вы поверите моей искренности. У меня не редки были периоды крайней, гнетущей нужды, когда приходилось прибегать к очень тяжелым сделкам,—и в эти-то минуты, при невероятном, почти по целым месяцам продолжавшемся напряжении,—я не мог написать нескольких страниц... В таком же положении я нахожусь в данный момент относительно Вас... А каким нравственным угнетением сопровождаются эти периоды... Вообще, я плохой хозяин и мастер своего дела. Немногие счастливые минуты «просияния» покупаются мною слишком дорогой ценой: нравственная работа утомляет, чередуется с тяжелыми болезненными припадками,—а исполнение всегда лихорадочно, спешно и недоношено...

Запросов и требований чисто материального свойства и нравственного так много,—а сил удовлетворить им так мало, или если и не мало, то они поставлены всегда в такие нелепые условия... Пожалуйста будьте ко мне снисходительны. Вот все, что я могу просить. Может быть это облегчит и самую работу мою.

Всегда искренне и глубоко преданный Вам

Н. Златовратский

25

Н. К. БОБЫЛЕВ¹

23 февраля 1883 г. Москва.

Милостивый государь

Михаил Евграфович.

Извините, что беспокою Вас, посылая на рассмотрение работу, которая на первый взгляд может показаться несерьезною и незначительною. Это начало «рассказов для детей всех возрастов», которым предполагается высказать более или менее элементарные истины, совершенно неизвестные таким детям. По моему мнению, удобство небольших рассказов такого рода в том, что, под прикрытием наивности и беспритязательности, можно сказать довольно серьезные и меткие вещи, неудобные в другой форме уже по самому своему объему.

Здесь Вы найдете письмо Льва Николаевича Толстого, горячим одобрением и сочувствием которого, может быть и незаслуженно, пользуюсь за мои литературные работы. Если бы не мнение такого художника, а главное человека правды, я бы не решился воспользоваться никакой рекомендацией к Вам потому, что сам держусь того мнения, что труд и дарование, если они есть, должны говорить сами за себя.

Несколько слов относительно второго рассказа. Старик Юрьев, который благоволил ко мне, едва ли не сильнее и горячее графа, как-то просил дать ему поэзии и, каюсь, я попытался, хотя заметил ему несвоевремен-

ность просьбы и работы, с которой в наше время можно насидеться без хлеба.

Теперь, порешив разойтись с редакцией Р. Мысли, по невозможности никаких сношений с ред.-издателем Лавровым, который заведует беллетристикою журнала, едва зная грамоту (с Юрьевым мы не разошлись бы никогда), я прибегаю к Вам и буду ждать Вашего решения—правды, какова бы она ни была.

Со своей стороны я могу обещать только одно—все старание оправдать рекомендацию человека, глубоко чтимого мною и Ваше снисхождение, если заслужу его.

Николай Бобылев

Адрес мой: Новинский бульвар, Девятинский переулок, д. Казначеева, д. 3, Николаю Константиновичу Бобылеву.

Извините меня, я Вас титулую, чтоб не рылись в письме хоть в Москве-то.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Бобылев, Николай Константинович (1834—1884) — беллетрист, в 70—80-х годах сотрудничал в «Деле», «Слове», «Русской Мысли», Салтыков к его предложению отнесся повидимому равнодушно.

26

В. А. ОБРУЧЕВ

14 (26 марта) 1883 г.

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Позвольте вкратце сказать о себе—к сожалению, не без просьбы об авансе 100 франков.

Запрещение Голоса¹ разрушило надежду на текущую поддержку. Два мои лондонские фельетона пропали—из коих один, вступительный и объяснительный, занял очень много времени. Был подготовлен и третий. Деньги в счет этой работы (100 р.) были впрочем любезно предложены мне В. А. Бильбасовым при первом же свидании. Не знаю, когда и как разочтуться.

Без надежды на ежемесячные поступления, не дерзнул поставить себя в ту, несколько более бойкую общественную обстановку, которая нужна для предложенной работы. Не счел возможным решиться на это тем более, что рекомендациями не запасаю, так как в последние дни моего пребывания в Питере такая опасливость в людях проглядывала, что я побоялся отказа и промолчал. Будь маленькие деньги, можно бы и так завести знакомства, но, без гроша, единственный ресурс—сидеть притаившись, внушая хозяйке уверенность, что человек настолько почтенный—хотя и без часов—не может же когда-нибудь не заплатить.

Так и живу. Пансион 95 фр. Надеялся сократить, отказавшись от несущественных французских ухищрений вроде вина и проч.—но уступки не достиг. За топливо пришлось накинуть. Холода и утреники все время.

Сию прилежно над работой «из своего материала», которую надеюсь выслать недели через две². Выйдет вероятно около 2½ лист., готово почти 2. Кроме обычных опасений насчет негодности, боюсь, не окажется ли слишком бессодержательным—хотя абсолютной бессмыслицы нет. Зато ни единого нецензурного слова. Теплится надежда, что слабый дух жизни сказался. По крайней мере пролил слез столько, что авось либо не все они старческое хныканье. Конфужусь также знакомости впечатления, какое рукопись произведет на Вас. Но для публики она будет новее. Ежели точно

сверкнет такой луч счастья, что Вы одобрите и—если возможно—будьте добры, уделите местечко не весьма отдаленное.

100 франков решаюсь просить авансом под эту работу. Если можно, ссудите в один из ближайших дней именным чеком на Париж, в заказном письме. Банковый билет проще и не пришлось бы ездить за получением (56 километр. 3 фр. 75 сент. один конец); но не знаю, дозволено ли это почтовыми правилами и боюсь выкрадки.

Тотчас по отсылке работы, устремлюсь к добыче легкого заработка, фелетоном или чем придется—и уж потом, ежели финансы улучшатся, попробую перебраться в более подходящую к предположенной работе обстановку. О возвращении во всяком случае не могу помышлять, пока здешней работой не обеспечу себе хоть ничтожнейшего приличного положения дома. А как это сделать?

Нуждающихся должно быть теперь свыше всякой меры и возможности. Простите беспокойство и длинноту. Примите уверение в глубочайшем почтении и преданности.

Покорнейшего Вашего слуги

В. Обручева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Голос» — газета умеренно-либерального направления, выражавшая главным образом интересы крупной промышленной буржуазии, — был приостановлен в 1883 г. на № 43; в 1884 г. вышел еще один номер, на котором издание прекратилось. Василий Алексеевич Бильбасов (1834—1904) — историк и публицист, в течение последних десяти лет «Голоса» был его фактическим руководителем.

² Работа, о которой пишет здесь Обручев, очевидно рассказ «Прощание», об отправке которого в редакцию он сообщает в следующем письме. Помещен в «Отечественных Записках» он не был.

27

В. А. ОБРУЧЕВ

28 марта (9 апр.) 1883 г.

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Сегодня имел честь получить Ваше письмо от 24-го, и при письме Конторы деньги 75 р. (186 фр. 75). Выручен и несказанно благодарен. Здесь оказался банк (La Banque или M-e Robert безразлично), так что получение обойдется без расходов.

Сегодня же отправил, по адресу Конторы, заказным письмом 22¾ листа — вполне цензурный рассказ — «Прощание», подпись: Алексей Коноплев, но на конверте прописан подателем я, и адрес мой, и печать именная моя же.

Адрес мой прошу Вас считать незыблемым. Но неожиданное обогащение позволяет несколько расширить программу, не задаваясь ничем обширным или систематическим. Апрель пойдет на добычу текущих грошей, — при чем несколько дней проведу в Париже (по бывшему опыту: Hôtel Montespien, Rue de la Sorbonne 1 фр. Кофе 50 с. Пропитание 1.55. Читаляня 25 с., всего сутки 3.30), — а потом, может быть, решусь на небольшую пешеходную экскурсию. Ноги еще носят; записывать стану на каждом привале; к маршруту, который выберу, подготавлиюсь. Ежели впечатления покажутся путными, постараюсь обработать для Отеч. Записок. Иначе пошлю куда придется.

Уменьшение на 1½ тысячи, мне кажется, невелико, в виду второго предостережения и отсутствия двух Ваших статей. Простите, что о подобном

предмете решаюсь выражать свое мнение перед Вами, но последнему рад, — ежели оно хоть в малой мере ведет к отдыху и восстановлению здоровья. Сердцу публики, без сомнения, близки и отсутствующие статьи.

Погода смягчилась—три дня было чудесных (22° Ц. в тени), но последнее время ветер опять похолодел при ярком солнечном небе. Ранние кусты позеленели, на каштанах шишки огромные, но общий вид растительности все еще бурый.

Еще раз сердечно благодарю за доброту и внимание и прошу верить глубочайшему почтению и неизменной преданности покорного Вашего слуги

В. Обручева

28

И. А. БУХАЛОВ

Самара 23 апреля [1883 г.]¹

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Вместе с этим письмом я посылаю посылкой статью «Из-за двенадцати с полтиной». Герой этих сцен недавно застрелился в вагоне Самарско-Сызранской дороги. Говорю это я потому, что статья списана с натуры, похожа на фотографию. Место действия—Краснослободск (уездный город Пензенск. губ.); время 1877/78 учебный год. Как ни невероятны все факты, переданные в этой статье, однако, они вполне реальны—вышнему принадлежит незначительное место, да и то в подробностях.

Боюсь, что эта статья Вам не понравится, ибо герой не есть лицо типичное, есть явление редкое (еще такой, приблизительно, инспектор существует в Острогском уезде. Воронежской губ., судя по корреспонденциям, и в Пермской, судя по рассказам), хотя, с другой стороны, редкие явления так же достойны наблюдения, как и повседневные.

Есть в этой статье повторения того, что было в «Борьбе». Обусловливается это одинаковостью положения действующих лиц—без доноса напр. никак нельзя обойтись, если действующее лицо учитель.

Потом, кажется, статья будет иметь интерес только для учителей.

Относительно «Направо и налево» вполне согласен с Вашим мнением. Белов потому явился «скопцом», что я выдвинул его исключительно для внешней связи картинок, которые казались мне интересными (о правдивости я уж и не говорю). В «Борьбе» вы выпустили несколько мест. Очень благодарен, потому что это своего рода критика (присяжные критики не обратили еще на меня своего внимания). В заключение просьба: если статья будет напечатана, то нельзя ли прислать несколько (штук 10 напр.) отдельных оттисков?

Говорят, что это ничего не стоит редакции. Кажется Вашим глазам опять будет много работы. Следующую постараюсь переписать крупней и разборчивей (эту я думал послать письмом). Еще один вопрос, совсем не относящийся к делу.—В Самаре упорно держались с самых Святков слухи, что Вас выслали в Пермь (хотели даже посылать туда адрес); теперь держатся еще слухи, что Вам запретили писать. Если Вы ответите, верно это или нет, то много обяжете всех своих читателей.

Искренне уважающий Вас

И. Бухалов

Адрес: Самара, учителю городского училища Ивану Алексеевичу Бухалову (в прошлый раз Вы несколько перепутали мою фамилию).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дата письма устанавливается письмом Салтыкова к А. Л. Боровиковскому от 4 мая 1883 г. В Петербурге ходили слухи о высылке Салтыкова (за «Сказки»). В связи с этим Салтыков писал: «А провинция окончательно думает, что я выслан из Петербурга. В Одессе видели, как я проезжал в Тифлис на жительство. В Самаре адрес мне готовили, но только забыли, в какой город Пермской губернии я выслан...» То же самое в ряде других писем Салтыкова этого времени.

29

Н. Н. ФИРСОВ

16—30 июня 1883 г.

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Спасибо Вам сердечное, что не забываете меня. Я с Вами согласен, что последние вещи Верга¹ — слабы. Я еще послал. А сегодня посылаю 2 перевода из вышедшей на прошлой неделе книги Капуана «Ното»². Здесь книга наделала шума; Капуана один из лучших писателей новой итальянской школы, но я в восторге от него не прихожу, хотя и признаю достоинства. Во всяком случае, я уверен, что Вы без церемонии возвратите мне (т. е. г. Лазутину, когда он зайдет в Редакцию) то, что не погодится. Сегодня должна выйти новая книга Верга «Per la vie», давно уже обещанная. Коли в ней будут хорошие вещи, не замедлю Вам доставить их перевод. Вероятно и в Вашем отсутствии их просмотрят.

Глубокоуважающий Вас

Николай Фирсов

Дня через 4 я еще пришлю перевод на Ваше благоусмотрение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Верга, Джованни (1840—1922) — виднейший представитель итальянского реалистического романа XIX века, основатель литературного направления, названного по его имени веризмом. Некоторыми своими сторонами его поэтика была близка к поэтике русского литературного народничества. Цикл его рассказов из сборника «Vita dei campi» печатался в «Отечественных Записках» за 1883—1884 гг. под названием «Деревенские рассказы».

² Капуана, Луиджи (1839—1925) — романист веристского направления, видный теоретик веризма.

30

А. А. РЕЙНГОЛЬД

Петербург, 4 августа 1883 г.

Милостивый Государь
уважаемый Михаил Евграфович.

Позвольте мне как человеку, занимающемуся русской литературой, начинающему автору переводов с русского и критических статей о русских писателях, обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, позволить мне перевести некоторые из Ваших произведений на немецкий язык [для] помещения в заграничных и здешних периодических изданиях. На днях редакция венской газеты «Neue Freie Presse» заявила мне свое желание поместить в фельетонах газеты что-нибудь из Ваших сочинений, разумеется из наиболее подходящих ко вкусу немецких читателей. В виду этого я и думаю выбрать что-нибудь из «Благонамер. речей» (т. I по всей вероятности: «Отец и Сын») или «Больное место», или же, наконец, если у

Скромный поклон -

Ваше письмо с благодарением, и
для нас очень приятно, и мы рады
быть, что вы так любите читать
и писать. Мы очень рады, что вы
так любите читать и писать. Мы
очень рады, что вы так любите
читать и писать. Мы очень рады,
что вы так любите читать и писать.

Мы очень рады, что вы так любите
читать и писать. Мы очень рады,
что вы так любите читать и писать.
Мы очень рады, что вы так любите
читать и писать. Мы очень рады,
что вы так любите читать и писать.

Ваше письмо с благодарением, и
для нас очень приятно, и мы рады
быть, что вы так любите читать
и писать. Мы очень рады, что вы
так любите читать и писать. Мы
очень рады, что вы так любите
читать и писать. Мы очень рады,
что вы так любите читать и писать.

меня будет достаточно времени—«Господа Головлевы». При этом я считаю своей обязанностью выразить Вам свое глубокое сочувствие Вашей литературной деятельности и истинное уважение к Вам.

Быть может такое мое уверение и признание не имеет для Вас никакой цены, так как я лицо совершенно безызвестное в русском обществе, но меня немножко знают в немецких литературных кругах, и быть может для Вас, как человека и пражданина, не совсем будет неприятно узнать, что Вас глубоко уважают и хорошо знают как литератора русские немцы, более или менее знакомые с русской литературой. Смею Вас уверить, что по крайней мере лично мне знакомые немцы читают Вас с увлечением. Сам я надеюсь в непродолжительном будущем написать обстоятельный разбор Ваших произведений (по-немецки).

Почтительнейше прося удостоить меня ответа на мой запрос, имею честь быть Ваш покорный слуга

Александр Рейнгольд

Адрес мой: Большая Конюшенная, д. № 6, кв. 31 Александру Александровичу Р.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рейнгольд, Александр Александрович (1856—1902) — известный переводчик русских писателей на немецкий язык и автор книги о русской литературе «Geschichte der russischen Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neue Zeit» (Leipzig 1885). Его переводы из Салтыкова нам неизвестны. «Господа Головлевы» были изданы в Лейпциге в 1885 г.

31

И. Н. КРАМСКОЙ

25 ноября 1884 г.

Глубокоуважаемый Михаил Евграфович!

Я прочел в «Сборнике» Литературного фонда сказку «Карась-идеалист». Вы, конечно, не нуждаетесь ни в защите, ни в поощрении, но я, читатель, кое в чем нуждаюсь. Прежде всего, впечатление громадно. Никогда еще мне на столь малом пространстве не давали современные писатели так много содержания и такого глубокого интереса; мало того, это до такой степени высоко-художественно, что я не могу притти в себя от удивления! Сказка, не более как сказка, а между тем — высокая трагедия! Но это, впрочем, не столь ново для вас, и потому писать вам только для выражения моего удовольствия и восхищения я, может быть, воздержался бы, но здесь есть один вопрос, важный лично для меня. Вы можете, конечно, оставить его без ответа, если ответа дать нельзя, или вы его не имеете.

Тот порядок вещей, который изображен в вашей сказке, выходит, в сущности, порядок — нормальный. Там карась и щука. Две породы, положим, рыбьих, но все же породы; то-есть, между ними не может быть никогда сближения. С первого раза разница в признаках так велика, что ни для кого никогда не будет вопроса, может ли щука перестать есть когда-нибудь карася. Но люди — другое дело: и тот из людей, кого можно уподобить карасю, и тот, кого уподобляют щуке, имеют одинаковый размер, строение тела, по одному плану исполненное, челюсти тоже одинаковые; словом для человека не есть бесплодная химера заботиться об улучшении людских отношений, тогда как для карася заниматься идеальными построениями — дело, очевидно, проигранное, и проигранное навсегда: кроме того проигрыш карася никому не будет казаться ужасным, тогда как проигрыш идеалиста-человека — ужасен безысходно.

А между тем, ваша параллель так беспощадно близка, и вывод столь мрачен, что мне хотелось бы от вас лично услышать мнение, если возможно. Я бы был непременно у вас сам, но меня никуда не выпускают, и потому приходится ограничиться письмом. А так как вы тоже нездоровы, то, быть может, сочтете возможным написать два слова. Я думаю о людях не хорошо, даже достаточно мрачно, но, чтобы решить мрачно о человечестве, у меня еще недостает храбрости, так как знаю, что после потери этой последней надежды жить не стоит. А я еще, в качестве человека-карася, надеюсь.

Глубоко уважающий вас И. Крамской

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Крамской, Иван Николаевич (1837—1887) — известный художник; его кисти принадлежит между прочим два портрета Салтыкова, написанные с натуры в 1877—1879 гг.

Отзыв Крамского о «Карасе-идеалисте» интересен содержащейся в нем полемикой. Эта сказка Щедрина, как и большинство других, посвящена теме о переустройстве общества. Щедрин ставит вопрос о путях и методах этого переустройства. С чрезвычайной остротой выступает он здесь против той мелкобуржуазной меланхолической идеологии, которая нашла себе яркое выражение в теории мирной пропаганды, теории обывательского утопизма, исходящего из предпосылки, что зло можно устранить убеждением, не прибегая к другим более радикальным мерам воздействия. В обстановке спада революционной волны (80-е годы) эта теория была, как известно, модной даже в среде вчерашних революционеров, не давая им возможности разобраться в важнейших политических событиях, правильно оценить политическую ситуацию. Всей своей сказкой Щедрин подчеркивает беспочвенность, политическое бессилие и наивность прекраснотупицкого «Караса-идеалиста», думающего уговорить жуку. Щедрин сочувствует идеалам караса-идеалиста, но издевается над его тактикой, заключающейся в том, что он полагает, будто бы эти идеалы можно осуществить без борьбы посредством «диспутов» со жукой, которая представляет собой в сказке насильнические власти и эксплуататорский класс. Классовой борьбы, ее непримиримости, столь ярко изображенной в сказке, как-раз и не понимает Крамской. Типичный интеллигент-восьмидесятник, Крамской подобно многим склонен был верить, как и карас-идеалист, в «бескровное преуспеяние». Сам он, не чувствуя видимому всей злой иронии, так и называет себя в письме «человек-карась». Отзыв Крамского, квалифицированного читателя, несомненно типичен не только для него, а для всей среды либерально настроенной обывательской интеллигенции, которая, «сочувствуя» сатире Щедрина, вместе с тем не принимала и не могла принять и даже усвоить ее основного политического содержания и политических выводов. Письмо Крамского дает меру той трезвости, с которой умел Щедрин, не марксист, но трезвый демократ-просветитель, анализировать основные проблемы общественно-политической ситуации и политической тактики своего времени.

Очень был рад случаю, дорогой Михаил Евграфович, хоть в несколько официальной форме выразить вам мои искренние чувства уважения и любви, но тут же узнал про ваше нездоровье; и с горем уже стал следить за известиями в газетах и из них же, да от знакомых узнал, что вы поправились. Это отлично, только не верьте докторам и не портите себя лечением.

Пишу вам о деле вот каком: может быть вы слышали о фирме «Посредник» и о Черткове. Письмо это передаст вам В. Г. Чертков и сообщит вам те подробности об этом деле, которые могут интересовать вас. Дело же мое следующее: с тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика была у журналов — тысяч 20 и из них большая часть искренних, серьезных читателей, теперь сделалось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось — читают больше для

содействия пищеварению, и зародился новый круг читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами. Те книжки «Посредника», которые вам покажет Чертков, разошлись в полгода в ста тысяч экземплярах каждая, и требования на них все увеличиваются. Про себя скажу, что когда я держу корректуру писаний для нашего круга, я чувствую себя в халате, спокойным и развязным, но когда пишешь то, что будут через год читать миллионы и читать так, как они читают, ставя всякое лыко в строку, на меня находит робость и сомнение. — Это впрочем не к делу. К делу то, что, мне кажется, вспоминая многое из ваших старых и теперешних вещей, что если бы вы представили себе этого мнимого читателя и обратились бы к нему, и захотели бы этого, вы бы написали превосходную вещь или вещи и нашли бы в этом наслаждение, то, которое находит мастер, проявляя свое мастерство перед настоящими знатоками. Если бы я сказал вам все, что я думаю о том, что именно вы можете сделать в этом роде по моему мнению, вы бы, несмотря на то, что не считаете меня хитрым человеком, наверно бы приняли за лесть. У вас есть все, что нужно, — сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. В изданиях этих есть не направление, а есть исключение некоторых направлений. Но напрасно я говорю это. Мы называем это так, что мы издаем все, что не противоречит Христианскому учению; но вы, называя это может быть иначе, всегда действовали в этом самом духе и потому-то вы мне и дороги, и дорога бы была ваша деятельность, и потому вы сами всегда будете действовать так. Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто кроме вас.

Л. Т.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Комментарий к настоящему письму см. ниже в сообщении М. Чистяковой «Толстой и Салтыков».

33

Л. А. МУРАХИНА

Москва 31 июля 1888 г.

Высокоуважаемый Михаил Евграфович.

Дочтите до конца эти строки — хоть и незнакомого Вам человека. Долго тщетно ломала себе голову над трудным вопросом: к кому бы мне обратиться теперь, когда уж у самой, после 12-летней отчаянной борьбы, не хватает больше сил отстаивать свое существование... Родных — ни души не осталось; знакомые — все поголовно люди, с которыми сама делилась последним трудовым грошом. Много было таких, которые в состоянии бы были теперь помочь мне и словом и делом, да, работая с утра до ночи дома два дня, а третьи сутки проводя сплошь на службе, мне некогда было подерживать эти знакомства, и таким образом я понемногу лишилась их... Чего я хочу от Вас... Ох! хотела бы, чтобы Вы, представляя собою один из редких экземпляров человека между людьми, отнеслись ко мне тоже как к человеку, вошли бы в мое положение и указали бы мне... Да, вот, я лучше в кратких словах обрисую Вам себя. Родители мои были чистокровными аристократами, и по происхождению и по всему душевному своему складу; оба — крайние идеалисты; умерли почти вместе и оставили меня 15 лет ни с чем. До 11 лет я все путешествовала с ними, а тут поселились они в России; образования систематического никакого, но нахваталась кое-

чего; четырех лет выучилась читать по-немецки и стала пользоваться этим познанием без всякого разбора — глотала все, что только попадало под руку. По-датски выучилась на родине матери — Дании; по-русски стала правильно говорить, хоть, конечно, с акцентом, через год. По-французски, английски, шведски, норвежски, латыш — нахваталась сама: возьму грамматику, освоюсь с «скелетом» языка, потом беру книгу, лексикон — и в месяц понимаю все. Была страшная охота марать бумагу — стала переводить, писать мелкие рассказы — печатали и платили с грехом пополам, и то только первое время, а потом увидели, что со мною церемониться нечего, так как я сама уж чересчур церемонюсь просить должного мне, и совсем перестали платить, а только все обещали. Вышла замуж за человека, который показался мне самородком — подготовила его как следует, поступила вместе с ним на государственную службу. Самородок этот оказался квинт-эссенцией всего дурного... семь лет я мучилась с ним и с его родными и всех содержала... Приду с суточного дежурства — избьет он меня, для того, чтобы осязательно доказать мне, что он муж и имеет право делать со мною все, что только взбредет в вечно пьяную башку, — я молча, не пикнув, не моргнув глазом, сажусь за стол и принимаюсь добросовестным образом стараться об интересах господ издателей. То и дело отрывают меня ради новых, невообразимо диких сцен; кончат они — я снова за бесплодную работу. И виду не показывала никому, что со мною творится, совестно было очень. Как я худенькая, тщедушная, страшно впечатлительная осталась жива и неискаленной — это положительно чудо... В один прекрасный день и вздумала запротестовать и просить защиты властей, и вот уже третий год, как я борюсь, стараясь отделаться от зверя, называющегося моим мужем, но, не имея средств, никак не могу добиться этого. Служба дает мне 24 рубля в месяц, и из них я должна отдавать половину ему; не дам — переколотит все стекла, наделает скандала. Работы никакой нет, потому что старым издателям уж веры нет с моей стороны, а новые не берут — нужна протекция; им мало того, что я работала 12 лет; нужны еще какие-то доказательства моего умения работать. Дошла я в настоящее время до того, что ни надеть ничего, ни по целым дням есть ничего — только за квартиру плачу аккуратно; обессиела я так, что еле держу перо, а на службе масса работы, — совершенно я одна. Тут еще каждую минуту ждешь появления «мужа», который подвергнет всевозможным пыткам, да еще и издевается: «вот, мол, не можешь ты от меня избавиться, потому — денег нет, а будь в кармане лишняя сотняга, живо бы отделилась...» Стала я в последнее время учиться по-английски настолько, чтобы переводить на этот язык с русского; когда мне это удастся, я буду обеспечена, там интересуются всем русским да и платят не по-здешнему; но до тех пор я... просто сил не хватит дожидаться этого результата. Молю Вас, как проповедника истины и гуманности, молю Вас, замолвите где-нибудь словечко за меня, чтобы мне дали хоть одну работу — перевод какого угодно трудного сочинения и заплатили бы мне. Мне больше одной работы и не нужно, а там уж не стану отнимать у других хлеб, забивая другим дорогу... Спасите меня, во имя человеколюбия. Я еще молода и мне так хочется еще жить.. верьте совести моей: вот уже третий месяц как я питаюсь одним хлебом да водою. Да и то первого часто не хватает. На дворе осень, а у меня ни башмаков крепких, ни платья хоть мало-мальски теплого — все стащено мужем в заклад. Он хоть теперь и не живет вместе со мною, но часто врывается и берет все, что только можно взять... Виновата: делал так до 1-го числа июля, когда я упростила полицию припугнуть его, и я надеюсь, что если бы мне теперь дали работу, то все пошло бы уже на меня лично, и я живо поправилась бы настолько, чтобы иметь возможность сделать тот труд, который помог бы мне окончательно

ожить во всех отношениях... Снова умоляю, войдите в мое горькое положение и попросите кого из Ваших знакомых издателей дать работы; поверьте, останутся довольными. У меня сейчас переведено два маленьких рассказа с английского, да не знаю, куда бы приняли.

Жду с нетерпением благосклонного ответа. Простите, что беспокою.

Ваша старинная поклонница

Любовь Алексеевна Мурахина

Москва, Пятницкая улица, телеграф № 29.

34

Ф. Ф. ПАВЛЕНКОВ

11 февраля [18]89 г.

Многоуважаемый

Михаил Евграфович!

Я согласен на Ваше последнее предложение об отдельном издании, но желал бы привести его в связь и слить с тем первоначальным проектом договора, который Вы мне предлагали прочесть для сведения. Как можно было бы соединить то и другое вместе—я изложил в общих чертах на прилагаемом листке почтовой бумаги, который и посылаю на Ваше усмотрение.

С совершенным почтением

Ф. Павленков

1

Павленков уплачивает М. Е. Салтыкову 20 тысяч рублей.

2

За это Павленкову предоставляется право издать 12 тысяч экземпляров «Полного Собрания сочинений М. Е. Салтыкова» и выпустить в продажу половину означенного издания, а другая половина его (6000 экз.) передается автору, или кому он укажет, на хранение*.

3

Не позднее как через год после выхода в свет означенного издания** Павленков имеет право получить из переданной автору половины издания 3000 экземпляров, внося при этом Салтыкову еще 22 тысячи рублей; а через два года после того же выхода к Павленкову переходят остальные 3000 экз. вместе с правом собственности на все произведения Салтыкова, вошедшие в состав вышеупомянутого издания—если Павленков через эти два года уплатит Салтыкову еще 21 тысячу рублей, а всего в общей сложности 63 000 р.

4

В случае если бы Павленков не уплатил Салтыкову которого-либо из означенных в предыдущем пункте срочных платежей,—все находящиеся у автора на хранении экземпляры изданных Павленковым «Сочинений М. Е. Салтыкова» становятся собственностью*** Салтыкова.

[Замечания М. Е. Салтыкова сделанные его рукою на полях письма Ф. Ф. Павленкова:]

* Какая будет цена за экземпляр? Где хранить, как наблюдать? и кто будет за хранение платить? Ежели цена 10 р., то 6 т. экз. оставить мало.

** Не после выхода в свет, а после подписания условия.

*** а о праве собственности не может быть и речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Главной заботой Салтыкова в последние месяцы его жизни был вопрос об издании его сочинений. В большей части писем Салтыкова за 1889 год эта тема поглощает все внимание писателя. Известно, что длительные (начиная с 1880 г.) переговоры Салтыкова почти со всеми крупными книгоиздателями того времени — Вольфом, Саблиным, Серебряковым, Салаевым, Солдатенковым — так и не привели к благоприятному исходу. В марте 1889 г., т. е. за полтора месяца до смерти, Салтыков приступил к изданию своих сочинений сам. Но непосредственно перед принятием этого решения, а именно в феврале, была сделана еще одна попытка «найти подходящего издателя». Салтыков вступил в переговоры с В. Ф. Павленковым. Об этих переговорах, собственно только о факте их существования, имелись до сих пор крайне скудные сведения, содержащиеся в записке Салтыкова к Л. Ф. Пантелееву от 4 февраля 1889 г. («Письма», 1924 г., № 301). С опубликованием письма Павленкова, содержащего предложенные им Салтыкову условия, выясняется таким образом еще один «темный» вопрос в истории издания «собрания сочинений» сатирика. Замечания Салтыкова (знаки сносок при соответствующих пунктах условий и текст самих сносок) его рукою (карандашом) на рукописи письма. Интересно третье замечание: «а о праве собственности не может быть и речи». Павленков, подобно другим издателям, настаивал на передаче ему права собственности на все произведения Салтыкова, которые были включены в состав первого собрания сочинений. Но как-раз это условие и было неприемлемо для Салтыкова по мотивам отнюдь не материального только порядка. Несколько ранее по поводу аналогичного павленковского предложения издательской фирмы Сибирякова. Салтыков так писал Белоголовому: «У меня случился казус — Сибиряков (Иннокентий) восхотел приобрести право собственности на мои сочинения как прошлые, так и будущие. Предложил 50 тыс., и я было согласился, но когда дело дошло до купчей, то меня взяло раздумье: а что если этот господин совсем меня не будет издавать и, так сказать, исключит на 50 лет из литературы. Скажет: не хочу я этого писателя, чтобы о нем в литературе значилось. Ведь ему 50 тыс. ничего не стоят. Или призовут его и скажут: «Не смей издавать». Я предложил вследствие этого такое условие: издание полного собрания обязательно не позже как через шесть лет, а в противном случае сочинения делаются общим достоянием. Но он отказался».

Упорно отвергая передачу кому-либо права собственности на свои сочинения и соглашаясь лишь на то, чтобы они стали «общим достоянием», Салтыков таким образом стремился оградить «не только свое право быть изданным, но и право публики читать изданное» («Письма», 1924, № 289). История переговоров Салтыкова с издателями (подробнее см. об этом в обзоре С. Макашина «Судьбы литературного наследства Салтыкова-Щедрина» в третьей книге «Литературного Наследства», стр. 284) показывает, что опасения писателя были не всегда лишены достаточных оснований. Неприемлемый для Салтыкова пункт о «праве собственности» несомненно и обусловил прекращение переговоров с Павленковым.

Письмо Павленкова сохранилось в ИРЛИ в бумагах И. А. Шляпкина. К Шляпкину письмо попало от профессора Дзеховского, как это явствует из сопроводительного письма последнего к Шляпкину из Кракова от 7 января 1892 г., начинающегося словами: «Многоуважаемый Илья Александрович. Не забыл я данного вам обещания и пользуюсь случаем прислать вам автограф Щедрина, который я нашел на днях среди своих бумаг...»

Письмо сообщено редакции «Литературного Наследства» Вас. Гиппиусом.